

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Колловрат

Петля Сансары

Виталий Колловрат Петля Сансары

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63103902

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-94459-6

Аннотация

Что происходит с человеком после смерти? Умирает ли он совсем или его душа остается живой? Никто этого доподлинно не знает. Если бы человек знал, для чего ему дана жизнь, чтобы он с ней сделал? А если выпал редчайший шанс, один на миллиард, прожить жизнь заново. Как человек поступит? Что он сделает со своей жизнью? На эти вопросы предстоит ответить нашему герою. И если вас заинтересовала его судьба, то читайте книгу – "Петля Сансары", и вы не пожалеете о потраченном времени.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	36
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	72
Глава 7	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Виталий Колловрат

Петля Сансары

Глава 1

Этот амбал появился, казалось, из ниоткуда. Буквально мгновение назад его не было и вдруг он уже здесь. Стоит рядом и смотрит ему в глаза, нагло улыбаясь. Дмитрий Евгеньевич даже не успел открыть рот, чтобы задать вопрос. — Чего уставился?

Короткий, резкий удар, в солнечное сплетение, отдался во всем теле мощным взрывом боли, который согнул его пополам и заставил чуть ли не завывать от нее. Такой она была нестерпимой.

К его удивлению он сумел устоять на ногах, даже на короткое время ослепнув.

Спустя несколько секунд или минут, после того как он смог дышать и двигаться, Дмитрий Евгеньевич попытался распрямиться, к его удивлению, ему это удалось. Амбал все еще стоял рядом и глупо улыбался своим щербатым ртом.

Набрав в грудь воздуха, Дмитрий Евгеньевич попытался спросить нападавшего, чем вызвана такая агрессия. Но задать вопрос он опять не успел. Новый удар в желудок заставил его почти зарычать от боли. Он обхватил свой много-

страдальный живот и внезапно, куда-то упал.

Сознание медленно возвращалось к нему. Он почувствовал, что лежит на полу, свернувшись калачиком. Голова нестерпимо болела, желудок тоже. Болело все тело. Но прислушавшись к своему состоянию, Дмитрий Евгеньевич внезапно понял, что тело болит не от побоев, а от страшного отравления алкоголем, которым он вот уже несколько лет планомерно травит себя. Шевелиться не хотелось. Не хотелось вообще ничего. Желание было одно, просто лежать и не шевелиться. Но новый позыв к рвоте, опять выгнул все его тело, отчетливо напоминая удар в живот.

Желудок был пуст. Блевать было нечем. Еще несколько минут он боролся с рвотой, выжимающей из него только желудочный сок. Потом заставил себя встать. Любое движение отдавалось во всем теле страшной болью. Казалось, что даже кровь, бегущая по венам, причиняет страдание. Интоксикация была сильнейшей. Но это было не первое его пробуждение после продолжительного запоя. Он знал, что делать.

Не глядя по сторонам, он побрел на кухню. Открыл дверцу холодильника и достал оттуда, припасенную со вчерашнего дня, бутылку минералки. Лучше всего ему бы помог стакан водки, который разбавил бы его загустевшую кровь и заставил заново ожить отравленное тело. Как говорится, подобное нужно лечить подобным. Но Дмитрий Евгеньевич знал, что если он начнет пить с утра, то уже к обеду он будет пьян в усмерть. Этого допустить было нельзя, так как надо

было идти на работу и как-нибудь протянуть время до обеда, чтобы, наконец, выпить стакан водки и съесть хоть что-нибудь, так как по-другому, измученный желудок не принимал еду.

Поэтому сейчас он готовился применить к себе другой метод оживления. Более мучительный.

Вылив всю минералку в большой стакан, и дождавшись почти полного прекращения бурления углекислоты, он бросил туда таблетку шипучего аспирина. Упав на дно, она вызвала новый углекислотный гейзер. Дождавшись окончательного растворения аспирина, Дмитрий Евгеньевич взял половинку лимона, оставшегося от вчерашнего, и выдавил его туда же. Лимонная кислота заставила напиток заново закипеть.

Дождавшись окончания реакции, он взял стана в руки. Пить эту гадость совершенно не хотелось, но это было необходимо сделать, иначе он просто бы не смог добраться до работы и что-нибудь там сделать. Закрыв глаза, он выдохнул из себя воздух, как будто готовясь выпить стакан спирта, и поднес к губам булькающую жидкость.

Влить все это в себя за один раз не получилось. Жидкость просилась наружу, но сумев удержать этот рвотный порыв, он все-таки допил стакан и, поставив его на стол, медленными шагами добрался до кресла, в которое и рухнул, исчерпав все свои силы.

Несколько минут ничего не происходило, но Дмитрий Ев-

геньевич был терпелив. Он знал, что результат приходит не сразу. Жидкость должна была впитаться в стенки желудка и разнестись по крови, одновременно разбавляя ее.

Наконец, минут через пятнадцать-двадцать он почувствовал, как обруч, стягивающий голову железным кольцом, стал разжиматься. Головная боль отступила. Спазм, который сковывал все мышцы, тоже стал проходить. Конечно, сказать, что похмелье прошло, было нельзя, но жить уже стало можно. Не быстро и без спешки, а потихоньку.

Устало поднявшись из кресла, он отправился в ванную умываться. Оперевшись на раковину Дмитрий Евгеньевич встретился взглядом со своим отражением. Из зеркала на него смотрело довольно невзрачное и опухшее лицо с почти заплывшими глазами. Белки глаз были пронизаны кровавыми сетками сосудов. Смотреть в них было противно. Надо было это исправить. Он знал, что делать и потянулся за флакончиком визина, стоявшего на полочке. По капле в каждый глаз, и кровавая сетка исчезла.

С отеками под глазами он также легко справиться не мог. Поэтому переключился на зубы. Надо было их почистить, но он знал, как мучительна сейчас будет для него эта процедура. Конечно, выпитое снадобье облегчит боль, но она все равно будет. Еще немного посмотрев на себя в зеркало, он все-таки решился и взял в руки зубную щетку.

Даже для тех, кто не пьет, бывает иногда мучительно чистить зубы, что же касается его, то любое прикосновение к

корню языка вызывало у Дмитрия Евгеньевича мучительную рвоту. Когда желудок пустой, то получается, что нечем блевать, только соком. А эта процедура вызывала страшную боль в желудке. Ведь желудочный сок не должен выходить через рот. Это не предусмотрено природой.

Выдавив из тюбика пасты, он также, как и перед выпивкой выдохнул воздух из легких и приступил к привычной процедуре.

Она прошла также мучительно, как и всегда, но через несколько минут все было кончено, и он с радостью бросил это орудие пытки в стакан.

Еще раз оглядел себя в зеркало. Когда-то красивое лицо уже ничем не напоминал себя само. Это была маска, которую приобретает каждый человек, когда погружается в объятия алкоголя. Она заменяет ему его лицо и человек привыкает жить под ней, уже никому, не показывая себя настоящего. Каждый это делает по своим причинам и у каждого они разные.

Посмотрев с ненавистью на эту маску, Дмитрий Евгеньевич пошел под душ. Предстояла еще одна процедура. Контрастный душ. Как он его ненавидел. Но он тоже был нужен для привидения его тела ближе к человеческим стандартам.

Холодная вода пронизывала тело тысячами маленьких игл, хотелось кричать от боли, которая сводила мышцы спины, и он некоторое время не мог вдохнуть. Потом лилась очень горячая. Несколько мгновений кожа нагревалась,

мышцы расслаблялись, и опять наступала боль

Помучив себя, таким образом, несколько смен температуры воды он, наконец, почувствовал себя почти живым.

Выбравшись из душа, он стал торопливо вытираться, с презрением осматривая свое некогда сильное и большое, а теперь высохшее тело. Хоть и говорят, что алкоголь очень калорийный, но, тем не менее, он не прибавлял веса ему, а наоборот постепенно высушивал. Сейчас, вместо когда-то носимого пятьдесят восьмого размера одежды, на нем болтались брюки пятидесятого.

Еще раз осмотрел себя в зеркало и увидел, что глаза опять покрылись сеткой красных морщин. Видно давление подскочило. Да и голова начала шуметь не похмельным образом. Опять в дело пошел визин, и к нему прибавились пилюли для снижения давления.

Наконец он покинул ванную и начал одеваться для выхода. Бросив взгляд на часы, он понял, что опаздывает. Единственное что очень сильно не любил делать Дмитрий Евгеньевич, так это опаздывать. У него и так уже сложились на работе плохое отношение с начальством из-за его пьянок, и усугублять его опозданиями он не собирался. Он прекрасно знал, что его скоро выгонят с работы. Никто не будет держать у себя пьющего главного бухгалтера. Но пока вроде бы все сходило с рук. Останавливаться он не собирался, поэтому мысленно уже приготовился к увольнению.

Выйдя из подъезда, он как мог быстрым шагом пошел на

остановку. На автомобиле, дорога на работу заняла бы максимум двадцать минут, но из-за непрекращающегося пьянства, и не имея большого желания причинить кому-то вред, ему пришлось продать свой роскошный крузак. Поэтому он ездил теперь на общественном транспорте. Так было дешевле, но зато он теперь мог перемещаться в любом состоянии.

Дорога была знакомой, поэтому он шел, не глядя по сторонам, погруженный в свои мысли. Пройдя два квартала, он остановился на светофоре, вместе с большой толпой народа. Ни на кого не глядя и ни с кем, не разговаривая, он с нетерпением ждал заветного сигнала. Вот, наконец, загорелся зеленый и он, не глядя по сторонам двинулся быстрым шагом через дорогу.

То, что какой-то опаздывающий лихач решил пересечь этот перекресток на мигающий красный он не увидел. Последнее что запечатлела его память – это визг тормозов, высокий капот Ланд Крузера и испуганные глаза водителя, судорожно вцепившегося в руль и пытавшегося изменить ситуацию. Но этого у него не получилось. Мощный капот, пытающейся обогнуть препятствие машины, ударил Дмитрия Евгеньевича углом и заставил его взлететь над дорогой на несколько метров. Сломанное в поясе тело, пролетело над дорогой и на всей скорости обняло столб светофора.

Ему показалось удивительная эта легкость, которую он ощутил во время полета, почудилось, что он опять маленький мальчик, летающий во сне. Но светофор приблизился, и

все мысли исчезли. Наступила пустота.

Глава 2

Он опять ощутил полет, но глаза его ничего не видели, хотя он понимал, что они открыты. Его окружала черная пустота, по которой он летел. Не было ничего. Даже его тела. Он просто больше не чувствовал его. Скорость движения все нарастала, чернота была непроглядной. Но вот внезапно он почувствовал, что начал резко тормозить и наконец, остановился.

Он был нигде. Потому что рядом не было ничего, за что можно было бы зацепиться взглядом. Не к чему было привязать свое восприятие. Он просто был. Но где и когда, он не знал. Не было не низа ни верха, ни лево, ни право. Одна пустота. Сколько он пробыл там, он тоже не представлял. Наконец, через минуту или через век он опять полетел куда-то. Скорость опять стала нарастать. Опять это все продолжалось бесконечно, а он даже не успел испугаться или чего-то захотеть. Время исчезло, как и все вокруг. Скорость нарастала до бесконечности, и вдруг все прекратилось, и он опять почувствовал свое тело.

Он лежал с закрытыми глазами и пытался понять, что произошло и где он находится. Попытался вспомнить кто он. К его удивлению он помнил все и давно минувшее, и совсем недавнее. Он вспомнил, как проснулся сегодня утром, собрался и пошел на работу, и как его сбила машина.

Его мысли побежали по данному направлению. Раз он помнит, как его сбили, а после этого никаких воспоминаний нет, значит, он потерял сознание, а сейчас пришел в себя и находится в больнице. Дойдя до этой мысли, он споткнулся. Значит, если он сейчас пошевелится, то испытает страшную боль, ведь его тело страшно изуродовало, а встретиться с ней очень не хотелось. Поэтому он, так и не решившись пошевелиться и открыть глаза, начал мысленно прощупывать свое тело, пытаясь понять, откуда поступит сигнал боли. Он раньше занимался самогипнозом и поэтому умел ощутить каждый сантиметр своего тела. Мысленно расслабившись, Дмитрий Евгеньевич приступил к анализу.

Начал с пальцев ног, с ними все было в порядке. Убедившись в этом, он мысленно стал подниматься выше. Ступни, голени, колени. Чем выше он поднимался, тем большее удивление его охватывало. Боли не было никакой. Вообще. Удивительно. Он поднимался выше. Ничего не изменилось. Бедра. Таз. Живот. Кисти рук, локти, плечи – все было в порядке. Наконец он добрался до головы и закончил темечком. Нигде он не нашел никаких повреждений. Все ощущалось великолепно, значит, он не парализован. Ведь он слышал, что чувствительность при параличе теряется, а он хорошо ощущал все тело. И еще он заметил новую странность. Тело больше не болело с похмелья. Абсолютно. А это могло значить только одно. Он без сознания провалялся минимум неделю, за которую алкоголь успел выйти из крови.

Раз такой диагноз не принес нужных результатов, то он решил открыть глаза и будь что будет. Медленно, миллиметр за миллиметром он, наконец, открыл свои веки и попытался что-нибудь увидеть. Его окружала темнота. Но это опять ничего не значило. Могла быть просто ночь. Но опять что-то не сходилось. Если он лежит в реанимации, то должны быть лампы освещения. Здесь его пронзила еще одна страшная мысль, заставившая его сердце учащенно забиться. Вдруг он ослеп. Мысль была страшная. Не хотелось в нее верить.

Он закрыл и открыл глаза, пытаясь заставить их что-нибудь увидеть. Но темнота была абсолютная. От жалости к себе у него даже слезы полились из глаз. Он почувствовал, как тонкие, жидкие ручейки побежали вниз по голове, и попали в уши, доставляя неприятные ощущения.

Ощувив это, он приободрился. Раз он чувствуют прикосновение, осязание у него в порядке. А как со слухом. Он напряг его, вслушиваясь в окружающую его темноту. Через несколько мгновений он различил слева от себя ровное дыхание спящего человека, а впереди тихое тиканье, вероятнее всего, настенных часов.

Что же это происходит? Он не понимал. Электронные часы не тикают, а судя по дыханию, рядом с ним кто-то лежит, вероятно, тоже больной.

Сомнения терзали его невероятно. И наплевав на осторожность, не в состоянии больше выносить неизвестность он пошевелил пальцами правой руки. Они откликнулись на

команду мозга и начали двигаться. Боли при этом не было. Значит правая рука в порядке. Пошевелил левой, тот же эффект. Боли нет. Это было хорошо.

Он начал поднимать руки к голове и понял, что лежит под одеялом. Принюхался. Запахов больничной палаты не было. Лекарствами вообще не пахло, но он ощутил запах недавно стираного пододеяльника, которым он был укрыт почти до подбородка.

Значит он не в больнице. Но где тогда?

Продолжил поднимать руки к лицу. Ладони скользнули по груди и наконец, достигли головы. Он ощутил под ладонями мягкую кожу своего лица и продолжил ощупывать его. Под пальцами не было никаких швов и бинтов. Значит, голова не пострадала или все швы уже сняли. Но под пальцами не было никаких болезненных мест. Ничего не болело. Значит здесь или ничего не было, или уже все зажило.

Закончив с лицом, он принялся за остальную голову. Пальцы закопались в довольно длинные и мягкие волосы. Раздвигая эту подушку, он также методично ощупал всю поверхность. Никаких следов ран или бинтов. Значит, голова его была цела.

Ощувив радость, он спустил пальцы вниз и провел их несколько раз по щекам. Под пальцами играла тонкая и нежная кожа без признаков щетины.

– Надо же, – удивился Дмитрий Евгеньевич, – как меня хорошо побрили.

Продолжил опускать руки вниз вдоль тела. Под пальцами была такая же тонкая и мягкая кожа, без признаков волос.

Он продолжал скользить пальцами вниз по телу. Пока, наконец, его руки не уткнулись в резинку трусов. Привычным движением, пальцы оттянули ее и одна рука скользнула к его достоинству. Она двигалась, не встречая волос на пути, которые он знал это точно, покрывали его лобок уже много лет, довольно пушистым ковром, пока, наконец, не обхватила член ладонью.

Еще несколько мгновений полежал в таком положении, додумывая одну мысль, которая внезапно проникла ему в сознание. Он не хотел ее. Отгонял всеми силами, но она, прорвалась через преграду сознания и острым клинком пронзила его мозг.

– Где волосы?

Он был очень волосатым человеком. Сплошной волосяной покров начал расти на его теле примерно с пятнадцати лет и покрывал густым ковром его ноги, пах, живот и грудь. Волосы не росли только на спине. И одновременно пока все тело покрывалось этим жестким покрывалом, волосы на голове начинали покидать его. К моменту аварии, он был почти лысым, только небольшая тонзура украшала его голову на затылке. А сейчас он вдруг не нашел и признаков волос на теле, тогда как голова, была покрыта сплошным ковром его давно забытых, вьющихся и мягких волос.

Он чуть не закричал от ужаса. Да и не мудрено. Такие ме-

таморфозы могли свести с ума кого угодно.

Он обхватил голову ладонями, отбросив одеяло к ногам. Действительно, волосы покрывали всю голову, как в детстве. А вот на щеках, то, что он принял за хорошее бритье, оказалось в корне не верным. На щеках не было даже признака щетины. Они были абсолютно гладкие и чистые как у ребенка.

Он принялся судорожно ощупывать себя. Но ничего не изменилось. Волос не было там, где они последние десятилетия были, и находились там, где их столько же лет не было. Его член был абсолютно чист. На нем не было никаких признаков волосяного покрова. Это было ужасно. Что же случилось?

Закончив ощупывать себя, он попытался успокоиться и проанализировать ситуацию. Итак, что он имеет. Во-первых, он жив. Во – вторых, он абсолютно здоров. У него не болит ничего. Это здорово. В – третьих. А что в – третьих? Он так и не смог найти что в – третьих, так как было слишком мало информации.

Огромный минус в том, что он не может понять, где он, как он сюда попал и куда делись волосы с тела, и почему они появились на голове.

Внезапно он чуть не подпрыгнул на кровати. Раздался звук тянущейся пружины, потом щелчок и ... кукование. Проклятье!!! Это же часы с кукушкой. Он вспомнил этот звук. Точно такие же были у них в доме, в его далеком дет-

стве. Эти часы подарил им брат матери. И они ужасно мешали ему спать некоторое время, пока он не привык к этому ежечасному кукованию.

Кукушка прокуковала два раза и затихла. Опять до него донеслось мерное тиканье часов и дыхание спящего человека.

Мысли начали путаться. Если это та же кукушка из детства, то человек, который спит рядом и не обращает внимания на громкое кукование, это его брат. Но это просто невозможно. От слова вообще. Такого не бывает. Только в сказках и фантастических фильмах, человек может вселиться в другого. Ну, или переместиться во времени.

Он долго отгонял от себя эти мысли. Но ничего другого на ум не приходило. Оставался только один вариант. Нужно встать и проверить где он находится. Память мгновенно подсказала ему, где что должно находиться.

Если он в своем старом доме, то справа от него должна быть стена, а слева у изголовья стул, на который он складывал свою одежду и книги, которые читал перед сном.

Осторожно, почти не дыша, он подвинул руку вправо до конца кровати и наткнулся на стену. Сердце екнуло. Один пазл сошелся.

Он продолжил исследования и поднял левую руку до головы и отвел ее влево. Она тут же наткнулась на сидение стула. Он отдернул руку, как от горячей плиты.

Так. Продолжим. Сразу за моей головой, за спинкой кро-

вати проходили трубы отопления.

Он также не спеша потянул руку дальше за голову, и уперся в стену. Не спеша он повел ладонью вдоль нее, до тех пор, пока она не уперлась в железную трубу отопления. Она была теплая. Значит сейчас зима и отопление включено, машинально ответил он.

Ничему до конца не веря, он нащупал одеяло и укрылся им с головой, одновременно принимая позу эмбриона. Позу, в которой человек, чувствует себя наиболее защищенным.

Захотелось выть и скулить от страха, который охватил его. Он не понимал, что произошло. Почему он здесь, а не лежит сейчас спокойно в могиле.

Этот кошмар длился очень долго. Полчаса. Это ему сказала кукушка, прокукував один раз. Он вдруг вспомнил, что эти часы показывали не только часы, но и половину. Значит сейчас половина третьего. Надо было, что-то делать. Но что?

Полежав еще несколько мгновений, он решил все окончательно проверить. Прямо перед кроватью, как он помнил, стоял шкаф с книгами. Через два шага после него была входная дверь в спальню и выключатель. Слева от двери вверху. Это когда заходишь. Если выходишь, то справа. Надо добраться до него и попробовать включить свет, чтобы подтвердить или, в конце концов, опровергнуть свои предположения. Заодно выяснить окончательно, ослеп он или нет.

Осторожно спустил ноги с кровати и, стараясь производить как можно меньше шума встал. В теле была необычная

легкость. Ничего не болело и не ныло. Он был абсолютно здоров. Это открытие приятно поразило его.

Не спеша, с закрытыми глазами, так как толку от них было мало, он начал свой путь до двери. Вытянув в сторону правую руку, он сделал два шага, касаясь ногой края кровати. До стены он не доставал.

Вот кровать закончилась, и он качнул рукой вперед. Там, где и ожидал, он коснулся полированной поверхности шкафа. Его предположения подтвердились. Сердце сжалось.

Дмитрий Евгеньевич двинулся дальше. На этот раз, скользя ладонью по стеклянным дверцам этого книжного шкафа. Вот и он закончился. Проведя ладонью вдоль его боковой поверхности, он уперся в стену. Теперь два шага вперед, не отрывая руку от стены. Он сделал их и скользнул опять ладонью вперед. Буквально через несколько сантиметров она уперлась в угол. Все правильно. Еще несколько сантиметров по прилегающей стене, и он нащупал дверной косяк. Теперь ладонью вверх по косяку. Когда он был последний раз в этом доме, выключатель находился на уровне его плеча. Сейчас его там не было. Странно. Он повел ладонью выше, и уже почти подняв руку вверх, коснулся выключателя. Он похолодел от предположения.

Вряд ли выключатель перенесли, он и так был высоко над полом. Значит если выключатель на месте, а он не достает до него вытянутой вперед рукой значит, он сам стал меньше. Ведь в последний его приезд в родительский дом его рост

был сто восемьдесят два сантиметра, а сейчас он, скорее всего намного уменьшился. Это было не приятное открытие. Но надо было продолжать свои исследования.

Прижавшись спиной к стене, чтобы держать в поле зрения всю комнату он нажал на выключатель. Яркий свет, резко ударил по глазам, заставив его мгновенно зажмуриться. Он тут же выключил его, но этого мгновения вполне хватило, чтобы увидеть всю комнату целиком.

Несколько секунд Дмитрий Евгеньевич прогонял световые зайчики из глаз, а потом стал анализировать то, что увидел.

Он действительно оказался в своей старой комнате. Все было, так же, как и несколько десятков лет назад. У противоположной стены стояла кровать, на которой спал его брат. Рядом с его кроватью стоял стол, на котором они по очереди делали домашнее задание из школы. Еще дальше была тумбочка, а на ней... Он уже забыл это название. Большое радио с проигрывателем для пластинок. Радиола. Вспомнил он. За ней стоял стул с его вещами и кровать, с которой он только что встал.

Сомнения исчезли. Он опять оказался в своей комнате в далеком детстве.

Осталось проверить последнее предположение. Надо увидеть себя в зеркале, чтобы убедиться окончательно в произошедшей с ним метаморфозе.

Осторожно открыв дверь, он направился в ванную. Мож-

но было бы включить свет в прихожей и посмотреть на себя в большую трюмо, находившееся там. Но он понимал, что раз он сейчас в своем детстве, то свет могли увидеть спящие родители, так как межкомнатные двери в доме были стеклянные, и выйти узнать, кто это среди ночи включает электричество, а ему не хотелось сейчас ни с кем встречаться. Надо было предварительно все хорошенько обдумать.

Второе зеркало находилось в ванной, и пусть оно было небольшое, но и его вполне хватит, чтобы понять, изменился ли он внешне и насколько.

Выйдя из комнаты, он повернул налево и попал в кухню. В то время проход в ванную был через кухню, это он помнил очень хорошо. Единственная проблема заключалась в том, что он не помнил, что стояло вдоль стены кухни, рядом с которой была нужная дверь. Пришлось воспользоваться старой тактикой. Вытянуть руку вдоль стены и идти не спеша.

Как он помнил, расстояние было около трех метров. Ему понадобилось несколько минут, чтобы преодолеть их. Вот, наконец, и долгожданный угол. Выключатель здесь был в том же месте, что и в спальне, поэтому он нашел его довольно быстро. А найдя его тут же нажал. В то же мгновение перед ним появилась световая полоса. Это свет от лампочки прорывался сквозь не плотно закрытую дверь. Дверь в ванну, на его счастье, была не прозрачная, поэтому ему нужно было действовать очень быстро, чтобы свет не разбудил родителей.

Он несколько секунд смотрел на эту полоску света, привыкая к нему, потом сильным толчком распахнул ее, шагнул внутрь и так же резко закрыл ее за собой.

Он оказался в своей старой ванной. Такой, какой она была до ремонта, затеянного родителями в конце прошлого века.

Справа от него была дверь в туалет. Прямо напротив находилась гладильная доска, на которой как всегда лежало стираное белье. За ней было окно на улицу, закрытое небольшой занавеской. Левее в углу находился АОГВ, рядом с которым он так любил сидеть и наблюдать за огнем, полыхающим внутри этого газового аппарата.

Еще левее была ванная, а перед ней раковина с зеркалом, цель его путешествия.

Достигнув его, он остановился. Ему было страшно. Страшно от того, что он мог увидеть в нем. Чтобы оттянуть время он стал рассматривать себя. Для начала поднял руки к глазам и вгляделся в них. Перед его лицом маячили маленькие детские руки без признаков какого-либо волосяного покрова. Он внимательно рассмотрел их, поворачивая в разные стороны. Это были детские руки. Он осмотрел свой торс. Там, где на левой стороне груди у него была татуировка в виде восьмиконечного Коловрата, была только чистая кожа. Никаких признаков волос на груди не было.

Он оттянул резинку трусов и заглянул под них. Там тоже была первозданная детская чистота. Он опять задрожал. Все-таки это очень страшно, очутиться в своем прошлом и

в совершенно другом теле. Может быть, это и производило впечатления на других людей, более привычных к таким метаморфозам, но Дмитрий Евгеньевич был в шоке.

Один взгляд на ноги подтвердил его худшие опасения. Он стоял на таких же абсолютно чистых, как и все его тело ногах. К тому же он понял, что размер ступней сильно изменился и теперь его тело держат не ступни сорок четвертого размера, а маленькие ножки максимум тридцать седьмого. Это было очень неприятно. Осталось последнее. Нужно заглянуть в зеркало и увидеть в чьем теле он находится.

Преодолев мучительный страх, он оказался рядом с зеркалом и стал потихоньку подносить к нему голову, мимоходом обратив внимание, что раковина находится на высоте его груди и голова едва попадает в зеркало. Наконец, сжав волю в кулак, он взглянул на себя нового и едва не закричал от неожиданности. Из зеркала на него смотрело его детское лицо с раскрытыми в испуге глазами. Его мягкие волосы стояли дыбом, а глаза светились ужасом.

Это было невероятно и невозможно. Как мог он, сорокапятiletний мужик, который недавно был убит капотом огромной машины, оказаться сейчас здесь, внутри этого испуганного ребенка? Куда делось его старое тело, отравленное многолетней выпивкой и все покрытое волосами?

Все это исчезло. Осталось где-то там.

– Стоп, – подумал он, – А где там? В прошлом или будущем? Или где-то еще. И почему он сейчас здесь? И если

он, сорокапятилетний, здесь, со всей его памятью, то где тот мальчишка, который должен был сейчас спать в своей постели? Куда он мог деться?

Вопросов было очень много. Ответов ни одного.

Он продолжал рассматривать свое молодое отражение. Как раньше его бесили эти непокорные кудри, которые ни за что ни хотели укладываться в прическу и торчали в разные стороны непокорным пучком? А сейчас глядя на них, он почувствовал, как его душа наполняется тихой радостью от их вида. Он с нежностью провел по ним ладонями. Они также непреклонно поднялись после поглаживания.

Он стал с нежностью гладить свое молодое и нежное как у девушки лицо, еще не тронутое стальным лезвием бритвы. Оно ему нравилось.

Он смотрел на свою худую и длинную шею, торчащую из горизонтальных ключиц, и не мог насмотреться. Он опять стал мальчишкой. Он может начать все заново. У него появился второй шанс. Ведь это было великолепно. Если рассматривать теории индузов и буддистов, то все мы перерождаемся снова и снова, чтобы достигнуть духовного совершенства и в один прекрасный момент вырвавшись из колеса бесконечных перерождений уйти в нирвану. Все об этом говорят, но никто точно ничего не знает. Ведь по преданиям наша память стирается в момент нового рождения, и мы должны заново выстроить свою земную жизнь, чтобы благи-ми делами очистить свою карму.

Значит все это правда и перерождения есть.

Но тут же появились сомнения. Ведь он должен был родиться заново. Стать младенцем и самое главное, забыть о своей предыдущей жизни. Но здесь произошел какой-то сбой. Что-то замкнуло и меня или вернее мою душу отправили не в рождающегося младенца, а в уже почти полностью сформировавшуюся личность, заменив его разум моим. Чувовишно. Но почему же так произошло? Чем он заслужил такое?

Он еще долго задавал себе эти вопросы, глядя на себя в зеркало, но наконец, очнувшись от размышления, сделал то простое, что хотел сделать раньше. Отрыл кран с холодной водой и намочил свою разгоряченную мыслями голову.

Холодная вода произвела на него благоприятное действие. Он немного успокоился, и мысли вернулись в нормальное русло. Раз уже все это произошло, то надо подготовиться к своей дальнейшей жизни здесь, в этом времени. Правда, надо было выяснить в каком именно его моменте. В какой именно промежуток этого потока, под названием время он попал? Сейчас, в отсутствие интернета он мог это сделать только несколькими способами. Во-первых, спросить у кого-то. Во-вторых, услышать по радио или телевизору. В-третьих, посмотреть в газетах. Как он помнил, некоторые из них были ежедневные. Но этот способ немного хромал, так как он не знал, какие газеты принесли вчера. И последний способ, это увидеть отрывной календарь.

Конечно, и календарь не давал стопроцентную гарантию. Ведь его могли просто забыть оторвать вчера или по случайности оторвали несколько листов. Но другого варианта он не видел. Надо было рискнуть.

Как он помнил, календарь висел в зале у двери. Для этого надо было выключить свет в ванной и потихоньку дойти туда. Что он и начала осуществлять, немного постояв и собравшись с мыслями. Ведь нелегко человеку, еще несколько часов назад бывшему мертвым, вернуться в жизнь.

Осторожно приоткрыв дверь ванной, он выглянул в кухню, чтобы запомнить расположение вещей и, протянув руку, выключил свет. Мгновенно его окружила такая знакомая темнота. Он постоял несколько минут, чтобы глаза немного привыкли. Окно в кухне не было так плотно завешено как в спальне, поэтому давало немного света. Благодаря ему он уже через несколько минут мог разобрать в темноте некоторые предметы.

Как говорится, стой, не стой, а когда-то начинать надо и, выдохнув воздух, он потихоньку направился в зал.

Путь не занял много времени. Услужливая память уже вернула его в давно забытые воспоминания и уверенно показывала ему дорогу. Вскоре он был уже на месте. Календарь висел там, где он помнил. Ощупав его руками, Дмитрий Евгеньевич убедился в этом. Но как он не подносил глаза к самому календарю, он никак не мог разглядеть в темноте дату, которая была на нем сейчас. Пришлось принимать меры.

А какие меры он мог предпринять? Вариантов было только два. Или снять со стены весь календарь и идти с ним в ванную, а потом возвращать на место. Или оторвать верхний лист и уже с ним идти туда же. Только во втором варианте не надо было бы возвращаться в зал.

Немного подумав, он выбрал второй, и на удивление, привычным движением оторвав листок, отправился с ним туда, где он мог осветить его.

Добравшись до ванны, также быстро проскользнул в узкую щель открытой не полностью двери, и быстро закрыв ее, впился глазами в вождеденный листок.

На нем стояла большая цифра двадцать пять и мелкими буквами месяц – февраль. Он долго искал год и наконец, его труды были вознаграждены. В углу листка он нашел нужные ему четыре цифры и, увидев их, похолодел. 1985 год.

Проклятье. Одна тысяча девятьсот восемьдесят пятый год. Ему сейчас нет и двенадцати лет. Ведь у него день рождения двадцать четвертого июня. Восемьдесят пятый год. Тридцать три года его жизни исчезло в неизвестном направлении. Восемьдесят пятый год. Год, где начинался ломаться его характер. Год, в котором они с семьей переехали на жилье в другое место, и он там так и не смог найти друзей и ему предстояли впереди годы одиночества, которое скрашивали только книги. Почему его забросило опять сюда?

Как всегда, были только одни вопросы. Кукушка прокуковала три часа. Спать ему совершенно не хотелось, но и стоять

в ванной, судорожно сжав в ладони листок календаря, тоже не стоило. Надо было найти место, где он мог бы подумать.

Пришлось вернуться в спальню. Здесь у стены, под часами с кукушкой, стояли два старых кресла, которые родителям было жаль выбросить, и мать решила отправить их в ссылку к сыновьям в комнату. Одно из них и занял Дмитрий Евгеньевич или теперь его можно называть так, как называют всех мальчишек в Советском Союзе, просто Дима.

Он опустил в кресло и принялся размышлять о произошедшем.

Итак, его земной путь окончился двадцать второго октября две тысячи восемнадцатого года в города Москве, на улице Молдагуловой. Это он помнил точно. Прикрыв на мгновение глаза, он увидел испуганное лицо водителя.

– Бедолага, – без злобы подумал о нем Дима.

– Теперь ведь затаскают и ведь могут закрыть. Ничего пусть учится не спешить.

Ему было наплевать на свою убийцу. Его больше интересовал вопрос – почему? Почему он здесь, а не на небесах или в аду, или где там еще полагается быть покойнику? Или если карма и переселение душ действительно существует, то почему его забросило в уже живущего человека с его живой душой.

Дима представил, что сейчас думает этот мальчишка, в теле которого он находился. Ведь он лег спать в одном месте и теле, а проснулся, если проснулся, наверняка в другом. И

он сейчас очень сильно напуган. Что же говорить, если он, мужик, поживший на этом свете и видевший в своей жизни и радость и печаль, и рождение, и смерть, очень испугался.

– Бедный мальчик, – подумал с грустью он.

Но он уже ничем не мог помочь ему, и не он причинил этому мальчишки неприятности, поэтому после не долгих размышлений, Дима выкинул мысли о нем из головы. Раз он не может ничего изменить, то и переживать, поэтому поводу, не стоит. Эту старую истину он давно усвоил.

Надо было решить, как жить дальше. Хотелось бы понять для чего ему дали этот второй шанс. Что от него хотят те, кто распоряжается судьбами человека. Но чем больше он об этом думал, тем больше понимал, что раз он, за свои сорок пять лет жизни не понял, для чего он живет. То и сейчас, за эти несколько часов его новой жизни, найти ответ на этот вопрос, он не сможет. Если не может, значит не стоит и голову над ним ломать.

Но что его ждет впереди. Вряд ли история пойдет другим путем, а значит, ему опять предстоит пройти тот же путь, что и раньше. То есть еще пять лет школы. Потом отец захочет создать свою ферму, и он вместо поступления в институт, хотя бы на вечернее отделение, пойдет кормить коров и выбрасывать их навоз. Потом пойдет в армию, женится, у него родится дочь. Он разведется с женой. Поругается с дочерью, начнет пить и, в конце концов, двадцать второго октября две тысячи восемнадцатого года окажется на светофоре на ули-

це Молдагуловой в Москве.

Как говорится – «перспектива». От одной мысли, что опять придется делать то же самое, видеть то же самое, чувствовать то же самое, его даже замутило.

Стоп, стоп. Почему он должен делать то же самое. Ведь второй шанс дается для того, чтобы, что-то изменить, а не повторить. А раз так. То нужно действовать. И действовать прямо сейчас, а не завтра. Иначе ему предстоит провести ближайшие пять лет за одной партой с детьми. И слушать молодежь. Потому что из всех учителей, как ему помнится, только учительницы алгебры было больше пятидесяти лет, а всем остальным не было еще сорока. А ему сейчас, хоть он и выглядит как мальчишка, уже сорок пять лет. Он уже прожил почти полвека и имеет высшее образование и еще множество курсов по повышению квалификации. Он дипломированный экономист. Он окончил курсы главных бухгалтеров и трейдеров. Он знает, как участвовать в государственных торгах.

Вот только сейчас ему это несколько не пригодится, потому что компьютеров еще нет. И всемирную паутину еще не придумали. Это плохо.

Но ведь он уже один раз проходил то, что сейчас ему предстоит пройти заново. И пускай он многое забыл, так как почти все знания из школы ему не понадобились, но он очень легко их вспомнит, если просто повторит.

Эта мысль пришла ему по вкусу.

А раз он легко вспомнит, то ему нет нужды тратить пять лет на то, что он может изучить и за два, а потом пойти и поступить в институт.

Мысль была здравая. Ее надо было обдумать лучше.

Ведь иначе, не уехав учиться, он так и не сможет вырваться из-под опеки своей матери, которая, а он это хорошо помнил, очень сильно ограничивала его самостоятельность. Не понятно почему, но младший сын пользовался у нее особой любовью, и она как клушка над цыплятами, постоянно нависала над ним, пытаясь контролировать каждый его шаг. И если это даже тогда его очень злило, то теперь, когда он оказался старше её, это будет совсем не выносимо.

Но как закончить школу раньше срока? Очень просто. Надо уйти на экстернатуру. Чтобы учиться как великий Ленин. Экстерном.

Вспомнив это, он даже улыбнулся. Ведь там, откуда он пришел, Ленин уже имел статус развенчанного героя. И вместо доброго человека, пекущегося о благе всех, он стал обычным человеком, сжигаемый честолюбивой мечтой о власти. И он ее получил, правда, благодаря английской разведке. Но не надо сейчас говорить этим людям, о том, что он знает. Иначе для него может это все очень плохо кончиться. Все-таки власть коммунистической партии в восемьдесят пятом году была безграничной, и воевать с ней сейчас, да еще пацану, совершенно не стоило.

Он вспомнил, как остался здесь без друзей, совершив

большую ошибку сделав контрольную по математике быстрее классного отличника и не сумев достойно, в драке доказать свое право на исключительность и ум. И за это его все невзлюбили. Он вспомнил об унижениях, которые ему пришлось здесь пройти, и застарелая ненависть вспыхнула в нем с новой силой. Наконец-то он сможет расчитаться с этими ублюдками, которые унижали его.

От этих мыслей он даже улыбнулся. У этих детей не было той школы, которую он уже прошел. Пускай он сейчас гораздо слабее некоторых из своих противников, но у него есть теперь знания. Это как превосходство более слабого человека над животным миром. Ведь человек априори слабее медведя или лося, но это не мешает ему добывать этих зверей и периодически лакомиться их мясом. Так он и сделает. Ведь не зря он уже во взрослом возрасте ходил на занятия рукопашным боем. Пусть он уже давно не занимался им, но воспоминания есть, а это главное. Да и все равно, пришлось бы переучиваться, ведь когда он учился, он весил больше ста килограммов и имел очень сильные руку и ноги, да плюс еще рост. Сейчас у него ничего этого нет. Но есть ум и здоровье.

Здоровье. Он даже улыбнулся этому слову. Как хорошо ощущать себя полностью здоровым. Когда у тебя ничего не болит. Все тело в твоём полном подчинении, и ты можешь делать им, все что захочешь.

Он вспомнил, как легко встал сейчас с постели и ничего не почувствовал. А ведь последние годы, после пробужде-

ния он не мог и шагу ступить, пока не разомнет мышцы ног. Он вспомнил это давно забытое ощущение. Ощущение здоровья. Когда ты идешь и не чувствуешь своего тела. Потому что, если чувствуешь что-то, значит там, у тебя болит. На ум сразу пришла шутка, которую услышал по телевизору.

– Если после сорока лет, ты встал с постели и у тебя ничего не болит, значит, ты умер.

Но сейчас он был жив и полностью здоров. Теперь у него были знания и опыт. Значит, исключим из своей жизни табак и алкоголь. Эти два товарища, очень быстро разрушают любое, самое здоровое тело. И раз он получил второй шанс, то не будет убивать себя этими друзьями.

Это первое. Второе. Надо заняться спортом. Нет, он не собирался стать профессиональным спортсменом. Но общая физическая подготовка должна быть на высоте. Он помнил видеоролики о китайцах, в которых старые мастера демонстрировали чудеса растяжки. Не надо издеваться над своим телом, как йоги, тем более здесь и сейчас он все равно не найдет ни одного учителя йоги. А вот растяжку тела или как это потом будет модно называть, стрейчинг, он обязан сделать. Да и драться эта вещь очень поможет. Сейчас, в отсутствие преимущества в массе тела, надо искать другие варианты.

С этим он тоже разобрался. Осталась только учеба. Но сидя сейчас здесь в темноте, он так и не мог вспомнить, какие предметы изучал в этом году. Подумав над этим немного, он

решил отложить этот вопрос до утра.

Осталось еще одно. Говорить ли родителям о своем перерождении или нет? Обдумывание этого вопроса заняло еще больше часа. В конце концов, решил пока ни о чем родителей не предупреждать, иначе можно было попасть в психушку, если он сейчас начнет давать предсказания о будущем.

За всеми этими размышлениями он не заметил, как кукушка прокуковала пять часов. Пора было прекращать размышления и немного поспать. Это он и сделал, забравшись в свою старую кровать.

Глава 3

Свет в комнате, как и всегда раньше, включился внезапно, и голос матери вырвал его из объятий морфея.

– Леша, Дима. Просыпайтесь. В школу пора.

На секунду он испугался, но потом все вспомнил. Сон слетел с него мгновенно и, отбросив одеяло, он встал с кровати.

Брат его еще медленно шевелился на своей койке, когда он, натянув трико, которые увидел на своем стуле пошел, умываться.

Свет ярко горел во всем доме. Его мать, молодая здоровая стояла у плиты и готовила завтрак. Это зрелище заставило запершить в горле. Он уже два года как похоронил обоих родителей и сейчас, видя своею мать живой, едва мог удержаться, чтобы не заплакать. Он вспомнил, какую опустошительную боль ему причинила сначала смерть отца, а через полтора месяца и уход матери. Это было невыносимо. Поэтому он уже не в силах сдержать себя, подошел к маме и обнял ее. К его удивлению, его голова едва доставала макушкой до ее подбородка. Он как-то уже забыл о том, что снова стал маленьким. Ведь в последние годы, все было на оборот, и постаревшая и высохшая мама очень удобно клала свою голову на его широкую грудь.

Вспомнив это, он даже хлюпнул носом.

Мама очень удивилась такой нежности и задала неизбеж-

ный вопрос.

– Ты чего это обнимаешь меня, как будто два года не видел?

Как она была права. Но надо было, что-то соврать для правдоподобности.

– Сон плохой приснился, как будто ты там умерла. Вот я и испугался. А ты здесь, такая молодая и здоровая, – едва сумел он проговорить, по-прежнему прижавшись головой, к такой родной груди.

Она погладила его по голове и поспешила успокоить.

– Глупости. Ничего со мной не случится. Иди лучше умыться и завтракать.

Оторвавшись, наконец, от мамы он направился в ванную. Оттуда как раз выходил его сильно помолодевший отец. Увидев его, Дима опять не сдержался и со всей силы, соскучившегося сына, обнял его.

Тот слегка опешил и сначала отстранился, но потом погладил сына по голове и прижал его к себе своими сильными руками.

Страшные воспоминания захватили Диму. Воспоминания о том, как сила ушла из этих рук, и они беспомощно двигались по одеялу, не имея возможности слушаться своего хозяина. Воспоминания о том, как уходил его отец. Как его взгляд из осмысленного и серьезного, постепенно становился страдающим, потом мутным, а затем он просто погас. Как погасла сама искра жизни в его отце.

Эти мысли вызвали к жизни новый поток слез. И он почувствовал, как его тело начало содрогаться сначала от сдержанных рыданий, потом, когда сил сдерживать их не осталось, его плечи затряслись от настоящих слез. Слез, которые так и не смогли пролиться у взрослого мужика, в момент смерти и похорон родителей. Слез, которые всегда приносят облегчение от страданий, своим потоком, смывая нашу боль. Тогда, два года назад, он так и не смог заплакать, зато теперь, слезы казалось, захлестнули его своим потоком. Смывая с его души всю боль, которая в ней накопилась.

Родители тревожно переглядывались, ничего не понимая. А он, наконец, оторвавшись от отца, ушел в ванную, так больше и, не сказав им не слова.

Уже спрятавшись за дверью и поливая свое лицо ледяной водой, он услышал разговор родителей.

– Что это с ним? – удивленно спросил отец.

– Сказал, что сон увидел страшный. В нем я якобы умерла, но судя по тому, как он заплакал, увидев тебя, то ты, похоже, тоже разделил мою судьбу в его сне.

– Чего только не приснится детям. Говорил я, что он слишком много читает. А ты все нет. Надо ограничивать телевизор и книжки. Пусть больше бывает во дворе.

– Не наговаривай на него. Не очень много он и читает. А присниться ребенку может всякая ерунда. Так что не надо обвинять его не в чем. Иди вон завтракать.

Что-то, пробормотав в ответ, отец ушел одеваться.

Холодная вода быстро привела Диму в чувство. Тем более, когда льёшь ее на темя. Он уже так привык во время умывания мыть за одно и голову, благо он сбрасывал остатки своей тонзуры, и сушить волосы ему было не надо.

Но сейчас, основательно намочив голову, он остановился. До него дошло, что волосы не лысина и их так быстро не высушишь полотенцем. А фена, как он знал, у них в доме не было. Да и вообще, похоже, нигде его тогда не было, в восемьдесят пятом году.

Пришлось прервать процедуру приведения себя в чувство и заняться зубами. Он хоть убей не помнил, какая из четырех зубных щеток, его. Методом исключения выбрал самую маленькую и приступил к чистке.

К тому моменту как он закончил умывание, от слез не осталось и следа. Наоборот, настроение его стало великолепным. Действительно, зачем ему горевать. Он молод, здоров, вооружен знаниями. Впереди у него несколько безоблачных лет, в которых, как он знал, ничто не будет грозить его жизни и жизни его родных. Так чего же тогда горевать.

Поэтому, когда в ванной появился старший брат и начал требовать от него освобождения места, Дима не стал возражать, а вооружившись полотенцем, принялся вытираться.

Покончив с этим, вернулся на кухню, где мама уже сварила рисовую кашу на молоке. При виде ее он даже заулыбался. Но улыбка его быстро погасла, когда он увидел, сколько каши мать накладывает в тарелки. Такой порцией мог бы на-

есться даже взрослый человек, не говоря уже о нем, ребенке. Сразу пришли воспоминания о своем лишнем весе, который появился благодаря вот такому материнскому кормлению. Сама мама пережила послевоенный голод и очень не хотела, чтобы ее дети пережили тоже самое. И хотя еды было всегда достаточно, она кормила своей детей из больших тарелок, наполняя их до краев и требовала, чтобы дети доедали все. Так ей казалось, что они не будут голодать. Ей даже в голову не приходило, что это слишком большая порция для ребенка. Она так хотела, и так будет.

Оставлять, что-либо в тарелке, тоже было не принято. Мать сразу же поднимала бурю. Или если ты не доел, значит, ты заболел, и она сразу же начинала процедуру лечения, которая несла в себе не меньше страданий, чем лекция о том, почему ничего нельзя оставлять в тарелке.

Не хотелось начинать первый и такой счастливый день с ругани. Поэтому Дима только печально вздохнул и взял в руки ложку. Надо было включать смекалку, а не лезть на рожон. Время для этого еще не наступило.

Каша была вкусной. А так как к ней шла добавка из домашнего сливочного масла, то вкус был практически умопомрачительный. Вот только через несколько съеденных ложек, размер желудка ребенка вступил в конфликт с количеством каши. Есть уже не хотелось. Поэтому надо было избавиться от остатков. Мать как раз ушла к себе в спальню и Дима, недолго думая, подхватив тарелку, быстро выкинул

остатки из нее в унитаз и спустил воду.

Он едва успел сесть на место, как она вошла и осмотрела критическим взглядом содержимое тарелок братьев. Увидев, что младший уже закончил, она предложила ему добавки. Услышав это, Дима даже застонал про себя. Но тут же героически отклонил это щедрое предложение. К его удивлению она не стала настаивать и опять ушла одеваться.

Его старший брат, с удивлением наблюдал за его действиями, не произнося не слова.

Покончив с завтраком, Дима пошел одеваться. Надо было вспомнить, где лежит его школьная форма и ничем не привлечь к себе внимание.

На его счастье, услужливая память сама привела его к нужному шкафу, в котором на плечиках висел его костюм. Какой же он был маленький. Ему даже не верилось, что он сможет это надеть на себя. Но как оказалось, он ошибся и его костюм сел на него как влитой. Не зря же они каждый год, перед школой, ездили всей семьей в Самару. Стоп. Самары тогда еще не было. Был город Куйбышев. Ну да, ездили в город Куйбышев и там долго и нудно подбирали по размерам нужный школьный костюм.

На этих же плечиках висел и его красный пионерский галстук. Взяв его в руки, Дима только и смог, что не весело улыбнуться, вспоминая прошлое. По его воспоминаниям, пионерской организации осталось жить около шести лет, а потом вся эта старая символика вместе с комсомолом и ком-

мунистической партией советского союза полетит в тартарары.

Он только на мгновение задумался над этим, и принялся повязывать галстук. К его удивлению, руки прекрасно помнили, как это делается. Через минуту он уже с интересом разглядывал, дело рук своих.

Закончив с костюмом, он поглядел на себя в зеркало и ужаснулся. С костюмом и галстуком все было в порядке. Проблема была в причёске. Этот ужас, который он носил тогда на голове, опять вернулся. Его тонкие, выющиеся волосы, никак не хотели ложиться в причёску. После нескольких расчёсываний они упрямо поднимались вверх, как знамя непобедимых. Он очень ярко вспомнил, как мучился тогда с ними и ничего не мог поделать. Они ни за что не хотели выглядеть красиво и аккуратно лежать в причёске. Сейчас, глядя на них, он только улыбнулся. Главное в том, что они есть, а не в том, как они лежат. Он только теперь смог осознать эту истину.

Немного помучившись с этими непокорными прядями он, наконец, плюнул на них.

Вернувшись в спальню, он нашел там свою сумку, в которой как он надеялся уже лежат нужные книги, иначе он их просто не смог бы собрать. Забросив ее, как и раньше, на плечо, пошел одеваться. Время для выхода в школу уже подошло.

Подошел брательник, бесцеремонно оттолкнул его от ве-

шалки и стал одеваться. Дима немного опешил от такой наглости, давно с ним никто так не обращался, но немного подумав, успокоился. Это все-таки старший брат, ему можно. Пока.

Дождавшись, когда он наденет свое пальто и отойдет в сторону, Дима тоже стал надевать верхнюю одежду. Это было его старое пальто в крупную клетку. Он узнал его, увидев висящим на вешалке. Надев его, он только вздохнул. Время пуховиков и дубленок еще не настало. Придется довольствоваться тем, что есть.

Намотав на шею очень неудобный, мохеровый шарф, он заметил на той же вешалке свою кроличью шапку ушанку. Как ее можно было не узнать? Это была она, старушка, с которой он еще пройдет горки и снежные битвы, метели и зимние дожди. Она была еще новой, значит, ее только недавно купили.

Обувая тяжелые, зимние ботинки, он нашел взглядом сумку со второй обувью. Тогда еще школа требовала носить с собой вторую обувь, чтобы облегчить труд уборщиц.

Брат уже успел одеться и вышел в холодный коридор. Дима успел заметить, с какой неохотой он пошел на улицу. Он тут же вспомнил, что дела здесь и у него были не очень, пока классные отморозки или как их тогда называли «хулиганы» не закончили восьмой класс и не ушли из школы.

– Ничего брат, – быстро подумал Дима. – Все будет хорошо. И мы еще устроим здесь в школе, настоящую козью

морду.

Он шагнул следом за братом, и его тут же поглотила морозная февральская ночь. Она обняла его давно забытым морозом и очень сильным ветром, с падающим снегом.

Глава 4

В их доме еще не было веранды, и поэтому дверь из коридора вела сразу на крыльцо. Здесь было светопреставление. Мело так, как будто наступил конец света, и демоны вечной ночи собрались окутать землю своим влиянием.

Видя эту круговерть, Дима только улыбнулся. Ему не надо было никуда ехать в такую погоду, а пройти пешком, пускай даже в мороз и ветер, это было ему не страшно.

Недолго думая, он распустил шнурки своей кроличьей шапки и ее теплые уши, покрытые кроличьим мехом, тут же закрыли его голову теплым щитом. Надел шерстяные варежки, и сделав два выдоха смело шагнул в эту снежную кашу.

Идти было легче, чем он думал. Тропинка была уже утоптана людьми, которые прошли здесь раньше. Ветер бил в спину и поэтому только подгонял идущего.

Дорога была длинной. Что-то около двух километров. Но она нисколько не пугала его. Он шел и вспоминал, как ходят в эту же школу дети его знакомых в его время. Почти всех возят на машине. Вдруг детки устанут. Он только смеялся про себя над этими страхами. И тогда и тем более, сейчас.

Жаль, что рассмотреть окружающий пейзаж он не мог. Мешала пурга, но он не грустил об этом. Еще насмотрится. Вот он пересек замерзшую реку с довольно высокими берегами и с небольшим пойменным лесом, сейчас почти до бе-

регов забитую снегом. Здесь он только обратил внимание на то, что подвесного моста еще нет. Он будет построен летом следующего года.

Его путь теперь пролегал по улицам поселка. Здесь снежный буран был чуть- чуть слабее, его сдерживали стоящие рядом дома. Видно стало лучше, но темнота была еще непроглядная, редкие фонари очень плохо освещали путь. Поэтому он решил больше не вращать сильно головой, а ускорить свое движение.

Еще несколько минут неторопливым шагом и вот он влился в поток школьников, которые спешат на занятия. Поднялся по большому крыльцу школы и почувствовал, как застарелое чувство ненависти к этому заведению, в котором ему пришлось испить до дна чашу унижений, опять захватило его. Сжав зубы, он продолжил свой путь.

Дима плохо помнил, что ему надо делать дальше и где находится раздевалка. Школа была выстроена в форме римского дома со свободным пространством внутри кольца. В одном ее крыле были начальные классы, в двух других оставшаяся школа. Раздевалка учеников представляла собой как будто клетки денников, из одного в другой дети переходили по мере их взросления.

Дима был в пятом классе, значит, по логике вещей, его клетка должна быть не далеко от входа. Поэтому надев вторую обувь у входа, и неся зимние ботинки в руке, он направился в этот загон. В нем он увидел несколько одноклассни-

ков, которые занимались там кто чем.

Девочки посмотрели на него как на пустое место и не ответили на его приветствие. Это были две классные красавицы и их серая мышь, которая тянулась к ним как луна к солнцу. Два одноклассника из простых, поздоровались с ним за руку.

Сняв пальто и шапку, он несколько секунд постоял, привыкая к мельканию лиц, проходящих мимо. Ему это очень сильно не нравилось, но поделаться он сейчас ничего не мог. Он был интровертом. Сейчас, в восемьдесят пятом году, и слова то такого никто не знал, но он знал его очень хорошо, и прекрасно понимал, почему ему так не комфортно в большой толпе.

Наконец пребывание в раздевалке стало не выносимым, а тут еще одноклассники набирались. Приходилось со всеми здороваться. С кем-то, из параллельных классов, просто кивком, со своими одноклассниками, за руку. Надо было уходить, чтобы избавиться себя от этих мучений, но он совершенно не знал, какой у них урок первым и в каком классе.

Наконец он увидел одноклассника, из простых, то есть не принадлежащего к верхушке класса и обратился к нему с вопросом.

– Олег привет. Какой у нас урок первым?

Тот удивленно на него уставился, но потом все-таки спросил

– Ты, и не знаешь? Ты же у нас все всегда знаешь.

– Хорошо прикалываться. Лучше скажи, что у нас по расписанию. Я все забыл.

– Ну ладно. По-моему, литра. Пошли.

Подхватив сумку, Дима двинулся за своим одноклассником, судорожно пытаясь восстановить в памяти расположение школьных кабинетов. За время движения ему это почти удалось, и действительно они пришли почти к тому кабинету, о котором он подумал, двигаясь за своим провожатым.

За время пути ему на глаза попадались школьники, которых он помнил уже взрослыми мужикам и женщинами. Вот этот сопьется и умрет в снегу. Вот эта красивая девушка к сорока годам превратится в огромный бочонок с салом. Он шел мимо тех, с кем его когда-нибудь сведет жизнь, и удивлялся ее насмешливому отношению к людям.

Наконец они подошли к классу. Здесь возникло новое препятствие. Он совершенно не помнил с кем и где он сидел за партой. Его так много раз за пять лет учебы пересаживали, что эта мелкая информация давно испарилась из его памяти. И теперь он стоял столбом и не знал, куда ему сесть. А класс между тем наполнялся учениками. Дима наблюдал за ними стоя в углу у окна и вспоминал, вспоминал.

Вот появились красавицы, вот пришла зануда, староста класса. Перебирая их в уме, Дима вспоминал, кого, как зовут очень быстро, а ведь многих из них он после школы больше ни разу не видел. Некоторых уже после восьмого класса.

Наконец к нему подошла девочка с восточной внешне-

стью и спросила – Дима привет. Ты домашку по алгебре сделал?

На что он только недоумевающе пожал плечами. – Нет.

– Почему? Ты же обещал мне помочь, – она капризно надула губы.

– Ну, извини. Забыл, – только и смог ответить он.

– Эх ты. А чего ты не садишься? Пошли, покажешь мне хотя бы, что нужно. Может, успею сделать на перемене.

И она потащила его по проходам к предпоследней парте. Похоже, это и было его место.

Дождавшись пока она сядет и покажет этим, где ее место, он сел рядом и начал доставать учебник.

Для начала вывалил на парту все содержимое своей сумки. Он так и не успел с ним ознакомиться, поэтому хотел сейчас понять, что он имеет.

Быстро пересмотрев все, что нашел в ней, он уже начал убирать ненужное обратно, когда услышал ехидный смех у себя над ухом.

– А чё это новенький тут делает? Порядок наводит?

Несмотря на прошедшие годы, Дима сразу узнал этот ненавистный голос классного хулигана, который изводил его три года, пока не ушел из школы после восьмого класса. Дима тогда струсил, и не дал ему достойного отпора. В результате почти все пацаны, присоединились к этой травле, которую устроил на него этот тупой и глупый хулиган.

В этой своей новой жизни, Дима уже был не намерен тер-

петь издевательства над собой, и у него очень сильно зачесались руки, от нестерпимого желания ударить в эту тупую ухмыляющуюся рожу. Но он сразу же сдержал себя. Рано пока было показывать всем, что он изменился. Нужно было привыкнуть к новой жизни, а потом уже менять ее. На это привыкание Дима отвел себе неделю и решил твердо придерживаться своего графика. Поэтому он только заискивающе улыбнулся, и вяло пробормотав что-то начал еще быстрее убирать все в сумку.

Хулигану, такая победа показалась не очень убедительной, и он для острастки скинул на пол несколько книг, гордо удалился.

Как всегда, класс был на стороне заводилы. Мальчишки боялись его, и радостно подхватывали все, что он делал, чтобы быть такими же «крутыми» как и он. Девочкам он нравился.

Дима так никогда и не смог понять, почему. Почему девочкам и девушкам всегда и во все времена нравятся такие придурки? Это было сейчас, это будет и позже, когда он уже вырастет и столкнется с братками, за которыми бегали эти самые девушки, в надежде стать подругой «героя». У него не было ответа. За свою жизнь он научился презирать женщин. В основном все, с кем он встречался, включая его жену, были меркантильными суками, которым нужны были только деньги и любовь. Причем именно в такой последовательности. И если они не получали первого, то быстро теряли

второе и превращали жизнь мужика в ад. Те, кто послабее из мужчин, быстро ломались те, кто посильнее спивались, а самые сильные расставались с такими женами. Такая участь постигла многих его знакомых. Поэтому после своего развода он уже никогда не искал женского тепла и участия. Оно где-то было, он слышал о нем, но ему никогда не доводилось его испытать на себе. Он просто стал использовать женщин для удовлетворения своих естественных желаний, не больше. И сейчас глядя на этих хихикающих красоток, ему стало противно.

Быстро собрав в сумку не нужные книги, он оставил на парте только литературу, дневник и тетрадку с ручками.

Прозвенел звонок и в класс вошла учительница. Он помнил ее в лицо, уже не молодую женщину, сын которой учился с ним в параллельном классе, но имя ее прочно вылетело из головы.

Она поздоровалась с классом, посадила всех на свои места и неторопливо начала урок. Дима почти не слушал ее. Потому что то, о чем она говорила, уже всплыло из его памяти. Он понял это и заскучал. Стараясь не привлекать к себе внимания, он стал неторопливо листать дневник, чтобы познакомиться с набором предметов, которые они изучают. Затем перешел на учебник.

– Москаленко!

Раздался вдруг резкий окрик учительницы.

Услышав свою фамилию, Дима напрягся и, оторвав взгляд

от учебника, посмотрел на учительницу.

– Ты, похоже, уже все знаешь?

– Почему вы так решили?

– Ведь ты же меня не слушаешь, а читаешь учебник.

Диме пока конфликты были не нужны, еще не пришло время. Поэтому он только извинился и, закрыв учебник, преданно стал взирать на преподавателя.

Увидев такое послушание, она быстро успокоилась и продолжила урок.

А Дима, не сводя преданных глаз с учителя, далеко улетел мыслями из класса. Надо было мысленно отшлифовать свой дальнейший жизненный план, чтобы не было никаких не предусмотренных нюансов. Конечно, он знал, что самый лучший план никогда не сможет предугадать появления бабушки на перекрестке, но это были нюансы, которые вполне можно было бы обогнуть или нивелировать дальнейшим планированием.

У него впереди пять лет школы и если он не предпримет никаких мер по изменению этой ситуации то, скорее всего, просто сойдет с ума. Потому что как он уже понял, находиться взрослому мужику среди детей долго, было просто невозможно. Слишком сильно отличается их мировоззрение. Значит, надо было, как он и думал переходить на экстернат, но для этого нужны причины. Так просто его бы не перевели на заочное обучение. Для этого нужно было привлечь тяжёлую артиллерию, ну, например, в виде отца. Это раз. А во-вторых

нужно будет устроить в школе террор, чтобы учителя сами захотели избавиться от него. Причем ругаться с ними было нельзя. Им еще ему оценки ставить.

Устроить террор одноклассникам и другим ученикам нужно было тоже умеючи. Иначе, его вместо экстернатуры, отправили бы для начала в спецшколу, а потом на малолетку, если бы первое не помогло. Значит, террор должен быть только в виде защиты. Защиты от нападения старших. Это было довольно легко устроить, так как вспыльчивые старшие не терпели никакого неповиновения. Тем более к верхушке хулиганов школы принадлежали ребята не слишком умные, и их легко можно было вызвать на агрессию, а вот уже с ней он знал, как поступать.

Додумать он не успел. Раздался звонок и, дав домашнее задание, учительница отпустила всех.

Записав задание, Дима собрал сумку и двинулся вслед за остальными учениками в следующий класс.

Здесь было уже легче, потому что он знал, где он сидит и с кем.

Была алгебра. Он достал учебник и тетрадь и осмотрел ее. К его удивлению домашнее задание было выполнено. Значит, его исчезнувшее Альтер-эго, успел сделать домашку. Это радовало.

Во избежание конфликтов с хулиганами он не выходил из класса до звонка, делая вид, что повторяет домашнее задание, а сам напряженно пытался вспомнить, как это все ре-

шается. Ведь за все эти прошедшие почти тридцать лет после школы, ему ни разу не понадобилась алгебра, за исключением конечно института. Но и те знания о высшей математике и математической статистике он так и не сумел применить. Потому что было негде. Они оказывается нужны только здесь, в школе, а в жизни это пустой багаж, от которого надо избавляться, что он и сделал. А вот теперь сидел и вспоминал.

Алгебру преподавала самая взрослая учительница в школе. Людмила Сергеевна. Ей было уже за пятьдесят. Если рассуждать абстрактно, она была чуть старше его самого, прежнего. Он даже выругался мысленно.

– Хватит возвращаться к прошлой жизни. Ее больше нет. Надо строить новую, а в ней ты еще ребенок. Ребенок, который не может самостоятельно принимать решения, так как официально тебе еще нет восемнадцати, и ты несовершеннолетний, а значит не дееспособный. Здесь в новой жизни решения за тебя, пока, будут принимать родители, и ничего ты с этим сделать не можешь. Смирись уже и поступай по ситуации.

Хорошо, что он не привлек внимания Людмилы Сергеевны. Иначе пришлось бы возвращаться из мыслей на грешную землю и думать, что ей ответить. А это сделать очень непросто, когда твои мысли полностью заняты планированием своего дальнейшего существования.

Он вдруг осознал, что задача намного усложнилась. Для

осуществления своих планов, ему придется учиться манипулировать людьми. И причем людьми не всегда глупыми. А он очень плохо знал искусство манипуляции. Он, конечно, читал об НЛП (нейролингвистическое программирование), но никогда им в серьез не увлекался, считая это пустой тратой времени. Оказывается, ему сейчас эти знания очень быгодились. А раз их нет, то придется придумывать своё. Для лучшего управления людьми.

Мысль заставила его зависнуть. Одно дело сделать так, чтобы на тебя кинулся какой-нибудь отморозок, в предвкушении легкого удовольствия от твоего безнаказанного избиения, и совсем другое, заставить директора школы согласиться на то, чтобы тебя перевели на экстернатуру.

Он даже не заметил, за своими размышления, как прозвонел звонок, возвещающий о перемене. Он автоматически записал задание и вместе со всеми пошел в следующий класс.

Не заметно прошел еще один урок. Кажется, истории, он даже не запомнил его, так его занимали собственные мысли.

Но вот звонок и наступила большая перемена. Время, когда все учителя куда-то исчезают и ученики остаются одни. Диме еще тогда казалось это удивительным, но он не обращал особо на это событие внимание. Ближайшие полчаса свободы все в школе хотели как-нибудь занять. А нет лучшего развлечения для детей, чем помучить слабого. Почему слабость вызывает в детях агрессию? На этот вопрос никто так и не смог ответить. Да и, наверное, не сможет. У Димы

были свои мысли на этот счет, но он их никому и никогда не открывал.

Глава 5

Предстояло пережить эти полчаса. Для начала он пошел в туалет, который, как и, наверное, и везде в советском союзе был на улице. Так как температура там была зимняя, то есть намного ниже нуля, то никто из учеников, сделав свои дела, старался там долго не задерживаться. Только старшеклассники стояли за туалетом и не торопясь курили. Они смачно сплевывали на грязный снег и не спеша затягивались «примой». Это были самые дешевые сигареты без фильтра. Они тогда стоили около десяти копеек за пачку, и все рабочие курили в основном их. А что могли курить дети скотников и шоферов, если не то же самое, что и их отцы. Они таскали эти сигареты у родителей и считали себя крутыми.

Рядом с ними вились те, кто помладше. Они спешили перенять эстафету курения у старшеклассников, опять же для того, чтобы выглядеть солиднее и старше.

Лавируя между курильщиками, Дима чуть не засмеялся от их наивности, но вовремя сдержался. Не стоило пока привлекать их внимание.

Он шел и думал над вопросом, который вдруг созрел у него в голове. Почему во всех школах, и советского союза, и будущей России, шишками в школе или их еще можно было назвать хулиганами, озорниками, становились именно вот такие дети. Они всегда плохо учились, у них почти всегда бы-

ли неполноценные семьи. И в результате они самые первые начинали курить, драться. Ведь даже ребята из спортивных секций никогда не держали верха в школе. Эти места были твердо заняты вот такими шалопаями. Почему так происходило? Может потому что у них было очень много свободного времени. Ведь ребенок не может ничего не делать. Он как губка впитывает манеры своего окружения и потом начинает вести себя также. У других, более умных и увлеченных ребят, не было времени кучковаться и изображать из себя банды. Спортсмены тренировались. Отличники учились, и только эти отморозки ничего не делали. Только ходили за старшими и перенимали у них их поведение.

Выкинув из головы такие мысли, он побежал в школу, потому что мороз уже начал пощипывать его за уши. В толпе курильщиков он успел заметить двоих своих одноклассников, которые особо отличались в его преследовании. Сейчас они покурят и, придя в школу, начнут искать, чем бы занять свое свободное время. А он, как новенький и к тому же показавший себя слабеньким, был отличной мишенью для их «шуток».

Классы были заперты. Так многие учителя поступали, чтобы школьники не мусорили в классе. В результате, почти все ученики, сложив портфели и сумки в кучу у дверей класса, слонялись без дела по всему этажу.

Дима занял место в стороне и, достав учебник, делал вид, что с большим вниманием читает его. Перемена почти за-

кончилась, как появились двое курильщиков. Один из них оглядев толпу одноклассников и вычленив жертву, сразу пошел к ней или вернее к нему.

Подойдя к Диме, делающему вид, что увлеченно читает он, не говоря ни слова, выбил книгу у него из рук.

– Нечего читать, – весело скалясь, сказал он Диме, – Чё самым умным хочешь быть?

– А что в этом плохого? – не удержавшись, ответил Дима. «Основной» смешался. Он не ожидал вопроса и не знал на него ответа. И как у любого ребенка, который попал в нелепую ситуацию, это вызвало его агрессию.

– Ты чё? Опух или припух? – стал он надвигаться на Диму.

– Ты не ответил на мой вопрос. Что плохого быть умным? – не обращая внимания на его наезд, продолжил разговор Дима.

– Да я тя шас. Урою.

– А кроме этих слов, ты что-нибудь можешь сказать?

Дима уже пожалел, что сорвался, но делать было нечего. Раз ситуация заварилась, то надо было использовать ее по полной и не ждать следующего раза. Да и чего тянуть.

Услышав ругань хулигана, почти весь класс столпился вокруг них, ожидая развязки. Всем было интересно, чем это закончится.

Дима только три месяца назад переехал в этот рабочий посёлок из другой деревни. Там, он знал всех учеников еще с детского сада. Там он пользовался уважением и его даже

боялись. Там, он почти так же, как эти здесь, мог позволить себе поиздеваться над более слабым. Что греха таить, все дети одинаковые.

Но вот его отца перевели на другую работу. С повышением. И он стал одним из руководителей района. Семья, разумеется, переехала вместе с ним. И вот здесь, в новой школе, в новой обстановке, Дима растерялся и струсил. Он не решился ответить на агрессию в классе. В результате он получил прилипшую к нему на долгие годы кличку «Новичок» или «Новенький» и носил ее три долгих года, пока эти заводилы, издевавшиеся над ним, не ушли из школы.

Когда его привели в класс знакомиться, он произвел на всех впечатление, так как был очень хорошо физически развит. И к тому же был выше всех в классе. Его сначала даже испугались. Но потом он совершил ошибку, и все кончилось. Почти сразу после появления в классе они писали контрольную по математике. Он был очень умным мальчиком и сделал ее самым первым. Подняв голову от тетради, он оглядел весь класс с самодовольной ухмылкой.

Увидев это, одноклассники зашептались. Он даже услышал, как один сказал другому.

– Ты смотри даже раньше тебя.

Это был первый отличник в классе, и он отстал. Намного позже они подружились с ним, но тогда, в его глазах промелькнуло удивление и злость. Дима не обратил на это никакого внимания. Он был горд собой. Он оказался лучше всех

в этом классе, в котором было тридцать два ученика. Он их всех победил.

Его торжество длилось не долго. В спину его уже толкали.
– Дай списать

Дима не поверил своим ушам. В той школе, откуда он приехал, такого никогда не было. Никто ни у кого не списывал, тем более на контрольной. Поэтому, непривычный к таким порядкам он просто отказал спрашивающему. Да и с какой стати. Он учил весь этот материал, запоминал, а этот требует на халяву списать.

Когда закончился урок к нему подошли четверо. И грубо наехали на него. Обзывая разными словами и размахивая руками. Под таким напором Дима растерялся и струсил. Ему надо было в тот момент бить. Бить сильно. Бить и не думать ни о чем. Но тут в его памяти, почему-то возникли слова матери – Драться не хорошо. Нельзя драться. Ты же умный мальчик, ты сильнее их всех, поэтому не дерись никогда.

Гораздо позже он понял, что имела в виду его мама. Она запрещала ему с садика бить девочек. Но она ни разу не уточняла свои слова и у мальчишки выработалась устойчивая реакция на это внушение. Драться нельзя.

Может было, что-то еще. Потому что в той школе ему никогда не приходилось драться. Все драки были закончены еще в садике. Там же были распределены все роли в стае. Там, у него были покровители, много старше его. И поэтому ему никогда не приходилось драться. И он забыл, как это

делается.

И сейчас, стоя под напором этих мальчишек, разозленных его отказом дать списать, он испугался и не ответил. Тем самым открыв ящик Пандоры, и превратив свою жизнь в ад на ближайшие три года. Струсив, он лишил себя друзей и хорошего времяпровождения. Ему пришлось искать утешения в книгах. Книги заменили ему все, и друзей, и подруг, и улицу. У него остались только книги.

– А по нормальному ты объяснить видно не можешь? – Ответил Дима ехидно.

Это было последней каплей, и агрессор нанес удар. Дима ждал его, но не стал защищаться. Нужно было, чтобы все увидели, кто напал первым.

Удар был не кулаком, а раскрытой, расслабленной ладонью. Больше унижительный, чем больно. Мол, знай свое место шваль. Я тут главный.

Действительно, было не очень больно, и он только в ответ улыбнулся. Эта улыбка привела в замешательство нападавшего. Он ожидал чего угодно, слез, крика, страха, но только не этой ехидной улыбки. Она заставила его остановиться, и Дима воспользовался этим.

Перехватил книгу в левую руку, он сжал правую в кулак и ударил им сверху в низ. Как будто забивая гвоздь. Несмотря на замешательство нападавшего, реакция у него была хорошей, и он успел мотнуть головой, уворачиваясь от удара. Вот только удар не был нацелен в голову. Довольно

большой кулак мальчика обрушился на его левую ключицу. Хруст услышали все, но никто не понял, что произошло и, в первую очередь, сам агрессор. Он только удивился тому, что его левая рука внезапно повисла плетью. Боль еще не дошла до его сознания. Он просто был ошеломлен тем, что его жертва посмела ответить.

– Да ты сволочь совсем опух. Да я тебя щас у...

Дима стоял и смотрел, как происходят изменения в поведении нападавшего. Он внезапно не смог окончить фразы. Кровь отхлынула от его головы, и он очень сильно побледнел. Испарина покрыла его лоб, зрачки расширились. Боль начала свое дело, постепенно захватывая все тело.

Одноклассник несколько раз глубоко вздохнул и закричал. Закричал сильно и страшно. Ноги его подкосились, и он упал на деревянный пол, обхватив сломанную ключицу правой рукой.

Все шарахнулись в стороны. Девочки, с интересом наблюдавшие за ссорой завизжали. Мальчишки не понимали, что произошло и начали метаться.

Только Дима стоял спокойно. Он один знал какой разрушительный эффект имеет этот не сильный удар сверху, по незащищенной ключице ребенка. А ведь не смотря на его понты, нападавший был еще ребенком.

Надо было слиться с толпой, чтобы не выдать себя, и Дима тоже сделал испуганное лицо и отбежал в сторону, всем своим видам изображая испуг.

Шум и крики были сильнейшие. Внезапно, как будто из пустоты появились несколько учителей. Раздвинули школьников и кинулись к упавшему, спрашивая его, что случилось. Но он не мог говорить. Только катался по полу и кричал.

Через несколько минут появилась школьная медсестра и осмотрела пострадавшего. Тот по-прежнему не давал дотронуться до себя. Но сильные руки учителя физики и преподавателя НВП все-таки смогли его удержать. Медсестра определила перелом ключицы. Вызвали скорую.

Постепенно в коридоре собралась почти вся школа, и учителям пришлось разгонять своих подопечных по классам.

Наконец приехала скорая, и пострадавшего увезли в больницу. Всех развели по классам, и всё вроде бы успокоилось, но Дима знал, что это только затишье перед бурей.

К ним в класс пришла их классный руководитель, вместе с завучем и директором и начался допрос. Он знал, что его быстро сдадут, и ждал этого.

Буквально через несколько минут, девочки рассказали о том, что случилось. Что Москаленко ударил Картонкина. Горящие праведным гневом глаза учителей обратились на виновника переполоха, обвиняя его во всех грехах, а тот изо всех сил делал вид, что ему страшно и он испуган, смеясь про себя во все горло.

Его вызвали к доске и потребовали рассказать о том, что произошло. Дима стоял у классной доски, опустив голову и

хлюпая носом, рассказывал о том, что он защищался. Что Картонкин ударил первым, а он только ответил.

Ему не дали закончить. Почему то все, заочно уже вынесли ему приговор и теперь только утверждали свой вердикт.

– Как ты мог покалечить своего товарища? – вопрошала директриса.

– Ты знаешь, что за это тебя могут выгнать из школы и посадить в тюрьму. Ты катишься вниз по наклонной Москаленко. Как воспримут это известие твои родители? Как отреагирует мать Картонкина? Ведь ты покалечил его. Он теперь останется калекой на всю жизнь.

Речь лилась без перерыва. Казалось, директриса просто упивается своей ролью одного актера. Дима исподлобья смотрел на нее, и ему очень хотелось оборвать этот словесный вулкан, но время еще не пришло.

Наконец, не прошло и полчаса, как директриса закончила, и гордо объявив Диме, что вызывает его родителей в школу и будет поднимать вопрос о его отчислении, ушла из класса. Завуч, так и не проронивший не слова, последовала за ней. Осталась только классная руководительница и преподаватель биологии, урок которой, должен был сейчас идти.

Продолжилась словесная экзекуция, теперь от классухи. Она еще несколько минут осуждала драки и призывала к добрососедским отношениям. Потом подняла вопрос о наказании.

Дима также исподлобья следил за поведением класса.

Мальчишки, те кто, как и он подвергался нападкам этого хулигана, судя по их виду, поддерживали его, но их было меньше. Большая их часть тянулась к пострадавшему как овцы к вожаку стада и теперь, когда их лидер был повержен этим «новеньким», все с пылающими взорами спешили обвинить его в жестокости. Может быть, боясь мести пострадавшего. Неизвестно.

Девочки сидели и осуждали его по-разному. Единственное, что он увидел точно, так это то, что никто не встал на его защиту. У всех были свои причины, но никто не встал и не высказался со словами поддержки. Это еще больше обозлило Диму.

Наконец слова обвинения закончились. Классуха потребовала, чтобы все после уроков пришли в ее класс. Будет проходить собрание класса.

До конца урока осталось несколько минут, поэтому преподавательница биологии только и успела дать домашнее задание, как прозвенел звонок.

Все пошли из класса, и Дима заметил, что он стал точкой отчуждения. Все боялись смотреть на него, а тем более заговаривать с ним. Он как будто стал не видимым. Вроде бы в окружении одноклассников, но один как перст. Его это вполне устраивало.

Они перешли в другой класс. Заняв свое место за партой, он заметил, что место рядом с ним пустует. Удивленно осмотревшись, он увидел свою соседку сидящей уже на дру-

гом месте. Философски пожав плечами, он принялся читать учебник. Было черчение, а он его забыл уже полностью, надо было восполнить пробел в своих знаниях.

К нему никто не обращался, старались даже не смотреть в его сторону. Его это вполне устраивало.

Физику и черчение преподавал один и тот же учитель. Он занимался доставкой пострадавшего в больницу и поэтому у него, как и у любого другого человека возникло большое любопытство, которое он хотел удовлетворить.

Войдя в класс, он нашел глазами виновника переполоха и с удивлением обратился к нему.

– Москаленко. А ты почему один сидишь? Где твоя соседка?

– После происшествия, я теперь стал персоной нон гра-та в классе и она, чтобы избежать негатива, который на меня сливают, решила сменить место дислокации, – ответил с грустной улыбкой Дима.

Физик на несколько мгновений завис, услышав эту фразу. Он никак не ожидал, что пятиклассник знает такие слова. Но он был умный мужик и сумел быстро справиться с растерянностью. Быстро найдя линзами своих очков его соседку, он обратился с тем же вопросом к ней.

Но девочка смешалась, покраснела и не смогла ничего нормального ответить учителю.

Еще раз, осмотрев через очки класс, он опять обратился к Диме.

– Похоже ты прав. Ты действительно персона нон грата.

– Ну, что же персона. Ты готов рассказать домашнее задание?

– Извините Сан Саныч. Но я, честно говоря, еще до сих пор в шоке и не смогу вам ответить правильно. Еще раз извините.

– Согласен с тобой. Не каждый день дети ломаю друг другу ключицы. Ладно. Живи пока. Найдем другого желающего.

И оставив в покое Диму, переключился на других учеников.

Подняла руку староста класса.

– Можно спросить Сан Саныч?

– Ну, попробуй.

– Вы же отвозили Лёшу в больницу. Как он там?

– Да ничего. Жить будет. Рентген показал, что у него сломана ключица. Ему ее вправили и наложили гипс. Сделали укол обезболивающего, и теперь он спит. А вы продолжаете учиться. А раз ты сама подняла руку, то иди к доске и расскажи нам, как ты делала домашнее задание.

Дальше урок вошел в свою обычную колею. Все казалось, забыли и о Диме, и о Лёше.

Прозвенел звонок. Это был последний, пятый урок. Можно было идти домой, но классная руководительница, требовала общего сбора. Поэтому все нехотя пошли в свой класс. За это Диму еще больше невзлюбили, но тому было уже все равно.

Все заняли свои места и стали терпеливо ждать классушу. Она задерживалась. Класс разбился на маленькие кучки и с увлечением обсуждал происшествие. К Диме никто не подходил. Он опять был в гордом одиночестве. Но это никак на него не влияло. Он уже давно привык к такому положению. Он просто сидел тихо на своем месте и вспоминал прошлую жизнь. Оценивая то, что он сделал и не сделал, и что теперь ему надо сделать и не сделать. Ясно было одно, что на своей прежней жене, он уже никогда не женится и у него никогда не родится дочь от нее. Это было очень грустно, потому что, несмотря ни на что, он любил ее, и ему будет очень не доставать дочери, хоть они и были в ссоре последние годы. Дочь тоже любила его, он это знал точно, даже несмотря на то, что она никогда не говорила об этом. В этом она была очень похожа на него. Его дочь Катя осталась там, в прошлой жизни. Наверное, она очень плакала, когда узнала, что он погиб. Эти мысли даже выдавили слезы из его глаз. К своему удивлению он заплакал.

Увидев это, одноклассники еще интенсивнее зашептались. А он, не обращая ни на кого внимания, полностью ушел в воспоминания и слезы неудержимым потоком полились из его глаз. Как же ему этого не доставало, там, в прошлой жизни. Возможности слезами смыть всю печаль и горечь. Как он завидовал женщинам, которые могли плакать по любому поводу. Даже тогда, когда он хоронил маму, слезы так и полились из его глаз.

А как ему хотелось тогда заплакать. Рыдания были внутри его, но не смогли прорваться через панцирь привычки, который он нарастил на себе за эти годы, пытаясь скрыть свой внутренний мир от чужих глаз. Защищая его и оберегая от внешнего воздействия. Этот панцирь начал на нем нарастать именно в это время, в котором он сейчас находился. С каждым годом становясь все крепче и крепче.

А сейчас, после разрушения старой плоти, это новое тело еще не успело отвердеть до состояния обожжённой глины. Его молодое сознание, хотя и со старой памятью еще не до конца покрылось глазурью брони. И поэтому сейчас слезы неудержимым потоком лились у него из глаз, вымывая из души всю накопившуюся за эти тридцать с лишним лет боль.

Как будто через сливное отверстие, эта влага из его глаз, за считанные минуты смыла все. Он почувствовал, как его душа обновилась. С плеч слетел груз прожитых лет. Все несчастья, вся боль и страх, загнанные в самую глубину его сознания, смыл этот поток очищающих слез.

Он почувствовал, как плечи его расправляются. На душе становится легко и чисто. Как будто солнце взошло после полярной ночи и своими лучами окрасило окружающий серый мир, своими чистыми лучами. Освещая яркими красками эту суровую действительность, и одновременно примеряя его со старым, и все-таки таким новым, миром.

Он только удивлялся себе. Он плакал второй раз за день. Какое это было удивительное ощущение. Воистину, только

жаждущий может оценить вкус простой воды. Так и он, не плакавший уже больше тридцати лет, смог оценить силу целительного воздействия слез.

Когда он пришел в себя и сумел оглянуться вокруг, то увидел изменившуюся картину. Все одноклассники прятали от него свои глаза. Они уже не жаждали его крови. Они жалели его. Осознав эту жалость к нему, Дима почувствовал, как его захлестывает неудержимая ярость. Нет хуже оскорбления для настоящего мужчины, чем жалость. Жалость любят женщины и дети, но не настоящие мужчины. Она их злит и приводит в бешенство. Неудержимое бешенство берсерка, которое разрушает все вокруг, вместе с хозяином. Никогда не оскорбляйте мужчин жалостью.

Его даже самого поразила скорость, с которой сменилось его настроение. Мгновенно было забыто все, слезы исчезли еще быстрее, чем появились. Дима сжал кулаки и заскрежетал зубами, готовый кинуться на класс в яростной атаке.

Неизвестно, что произошло бы в следующий миг, но тут открылась дверь и вошла классная руководительница. Оглядев класс, она остановила свой взгляд на Диме. Тот едва успел опустить взгляд, чтобы не показать ей всю свою силу.

– Москаленко. Пошли к директору. А вы – она оглядела остальной класс, – ждите меня.

Дима, не поднимая взгляда и изо всех сил пытаясь обуздать ярость, kloкотавшую у него внутри, взял свою сумку и поплелся за ней с видом побитой собаки.

Глава 6

В большом кабинете директора заседала целая комиссия. Здесь была директор, завуч, еще несколько не знакомых ему женщин и мужчин. Сидел даже один старший лейтенант милиции. Дима увидел своего отца. Это все произошло мельком, когда он входил в помещение.

Как только он вошел, какая-то женщина кинулась на него, размахивая руками и выкрикивая обвинения в том, что он искалечил бедного ребенка. Старлей схватил ее и усадил на место. Судя по всему, это была мать Картонкина. Немного погодя Дима вспомнил ее. Сейчас она была еще молодая и довольно красивая женщина, сильно отличавшаяся от той старухи, которую он последний раз видел.

Ему не предложили сесть, а указали место, куда ему надлежало встать. Он не стал спорить и занял его.

Речь начала директриса. Она рассказала о чрезвычайном происшествии, которое потрясло всю школу. О том, что ученик в безобразной драке покалечил своего товарища. О том, что он причинил боль и страдания невинному мальчику, и она как руководитель школы должна принять меры дисциплинарного воздействия к виновнику.

Дима слушал эту тираду молча, только исподлобья оглядывая находящихся в кабинете людей. У всех на лицах застыла маска осуждения. Все кивали головами, соглашаясь с

директором.

Дальше взяла речь, как потом оказалось начальник Районо. Она тоже высказалась относительно не допустимости подобного поведения.

Слушая ее выступление, Дима наблюдал за отцом. По его выражению лица было трудно понять, о чем он думает. Работа научила, второго человека в районе, скрывать свои чувства.

Начальник Районо, наконец, подошла к тому, что здесь находится инспектор по делам несовершеннолетних, который должен поставить на учет, такого хулигана как Дима.

Видно было, что она боится его отца, так как была его непосредственно подчиненной, но, тем не менее, она должна была продолжать в том же духе, иначе она могла бы лишиться своего поста, за халатность в работе.

Потом начала говорить мать Картонкина. Она через слово обвиняла Диму в избиение своего милого мальчика и требовала наказать его по закону, то есть отправить его в спецшколу для трудных детей.

Дима долго слушал этот бред, с его точки зрения. Наконец не выдержал.

– Я вижу здесь, у нас, происходит суд. Тогда требую последнего слова обвиняемого.

Все опешили от его спокойного голоса. Даже отец удивился.

Директриса, было, вспыхнула, что нельзя перебивать стар-

ших и что он должен иметь уважение к ним.

– Вы требуете уважения к себе и одновременно отказываете мне в нем. Я считаю это не допустимым. Вы сначала должны выслушать мои слова, а потом уже устраивать судилище. Или я не прав? – обратился Дима к старшему лейтенанту. – Как быть с презумпцией невиновности? Или она уже в Советском союзе ничего не значит?

Старлей смешался. Но потом подтвердил его слова.

– Мы все должны выслушать и виновную сторону. Только после этого начинать разбирательство.

Произнеся эти слова, он с надежной посмотрел на Диминого отца, в ожидании поддержки, но тот продолжал сохранять молчание.

– Хорошо. Говори, – нехотя разрешила директриса.

– Спасибо.

– Вы обвиняете меня в том, что я покалечил своего товарища. Начну сначала. Во-первых, он мне не товарищ, а просто одноклассник. Во-вторых, почему вы не принимаете в расчёт показания других одноклассников? Может потому, что они не вписываются в ту картину видения, которую вы для себя построили? Или вы просто не слушали их?

С момента моего появления в школе, продолжают издевательство надо мной, моих как вы называете товарищей, и заводилой у них всегда был ваш сын, – он посмотрел на мать Картонкина.

– Если вы не знаете об этом, – Дима посмотрел уже на ди-

ректора, – то грош цена вам как руководителю школы, вместе с моим классным руководителем. Если знаете, то тем более, вы занимаете не свое место.

Одноклассники, не все, а только некоторые, которые считают себя хозяевами класса, избрали меня мишенью для своих атак. Не проходит и дня, чтобы меня не ударили, не скинули учебник со стола, не дразнили, или поставили подножку. Если я начинал возмущаться, они меня били. Весь класс об этом знает.

Произнеся это он в упор посмотрел на свою классуху. Она от этих речей побледнела и как-то сникла.

– В конце концов, мне это надоело. Раз учителя не в состоянии следить за дисциплиной в школе, приходится действовать самому. Сегодня на перемене, я стоял у окна и читал учебник, повторяя пройденный материал. Когда ко мне подошел ваш сын и с ехидной улыбкой выбил учебник. Ему этого показалось мало, и он начал словесно меня оскорблять. Это могут подтвердить девочки из класса, они стояли рядом.

На мои ответные слова он разозлился и ударил меня по лицу. Это они тоже видели. И только тогда, я ударил в ответ. Раз все аргументы исчерпаны, в ход идут кулаки. Это знает любой мужчина, находящийся сейчас здесь. Я ударил в ответ. Один раз. Да признаю, эффект от удара был неожиданным, но скажу честно, я не жалею о нем. За то, что он делал со мной и другими одноклассниками, это небольшое наказание. Тем более удивительное для него, что он никак не

ожидал, что его жертва, когда-нибудь ответит, ведь он всегда выбирал своей жертвой тех, кто слабее.

Так вот, я хочу спросить у всех. Если ребенка, не могут защитить взрослые, которые поставлены здесь именно для этих целей, то почему ребенок не может защищать себя сам. Или вы считаете, что раз мальчик или девочка слабее нападающего в моральном плане, то они должны терпеть эти муки издевательства? Мол, Бог терпел и нам велел.

Задам вам еще раз свой вопрос. Для чего вы здесь собрались, чтобы осудить того, кто защищается, или все-таки навести справедливость в школе?

Мне не жалко вашего сына, – он обратился к Картонкиной. – Он получил то, что заслужил. Может быть, наказание было немного больше, чем следовало? Скажу честно, я не хотел ломать ему ключицу, я просто хотел ударить в ответ. Но думаю, что он теперь хорошенько подумает, прежде чем нападать на меня. И мысль о боли, которую он испытал, остановит его следующую агрессию. Если же это происшествие его ничему не научит, то передайте ему, что я готов с ним встретиться.

Услышав такие слова, Картонкина покраснела, ее глаза наполнились слезами, но Дима больше не смотрел на нее. Он перевел взгляд на директора.

– Добавлю в конце. Думаю, в школе найдется много его друзей, которые захотят отомстить мне. Ведь у подростков своя справедливость. Так вот я хочу сказать и вам и всем

учителям, находящимся здесь, что я не боюсь их. Я буду драться. И что-то подсказывает мне, что мы можем встретиться здесь почти в том же составе после очередной драки. Которую, начну не я. Но я буду действовать с крайней степенью жестокости, чтобы раз и навсегда выбить из всех желающих, это глупое желание наказать меня за то, что я их не боюсь.

Спасибо, я закончил.

Сказать, что все были ошеломлены его речью, значит, ничего не сказать. И директор, и завуч вместе с классухой сидели пунцовые. Инспектор детской комнаты милиции сидел с удивленно открытым ртом. Все молчали.

В этом напряженном молчании прошло несколько минут. Никто не начинал говорить. Все застыли.

Наконец поднялся Евгений Викторович, отец Димы. Для начала он обратился к сыну.

– Иди, подожди меня в коридоре.

Дима, не говоря не слова, покинул кабинет. Секретарша директора как-то испуганно на него посмотрела и уткнулась в бумаги у себя на столе. Ясно было, что подслушивала.

Усмехнувшись в душе, он закинул свою сумку на плечо и вышел в коридор. Он был пуст. Молча вздохнув, Дима сел на подоконник и приготовился ждать.

Время тянулось медленно. Дима даже не хотел знать, о чем сейчас говорит руководство в кабинете. Он и так в общих чертах представлял его себе.

Зря они это все затеяли. Хотели унизить его отца перед всей школой. Показать, что его младший сын драчун и просто плохой человек, но оказалось все по-другому. И сейчас, Дима был в этом уверен, огребают сами огромных люлей, от большого начальства. Нельзя безнаказанно оскорблять руководство района, не подкрепив своих обвинений основательными доказательствами.

Дима думал об этом и улыбался. Все складывалось даже лучше, чем он ожидал. Быстрее. Теперь еще одна драка, желательна с разбитым носом или бровью, и он уйдет на экстернатуру. Отец сам поддержит его желание.

Дверь открылась, и из нее появился Евгений Викторович. По его лицу было заметно, что он очень зол. За ним семенила начальник районо с видом побитой собаки. Директора школы не было видно. Скорее всего, сейчас глотает успокоительное.

Отец, найдя Диму взглядом, коротко бросил ему. – Пошли, – и двинулся к выходу.

Подхватив сумку, он с независимым видом последовал за отцом. Быстро одевшись, он вышел из школы и сел в отцовский уазик, который стоял у крыльца.

Это творение отечественного автопрома дохнуло на него ностальгией и воспоминаниями. Насколько далеко шагнул СССР в ракетостроение и космической промышленности, настолько же он отстал от всего остального мира в машиностроении. И даже теперь, этот уазик, творение какого-то

шестьдесят лохматого года, было недоступно для большей части населения этой великой страны.

Дима только вздохнул, размещаясь на железных сидениях УАЗа, покрытых дешевым дермантином, вспоминая мягкие сидения из эко кожи своего Ланд Крузера 200, выпуска 2015 года. Не скоро он теперь сможет поехать на такой машине.

Отец молча вел машину. Оба молчали. Только по приезду, когда они вошли в дом и разделись, отец заговорил.

– И давно это продолжается?

– Давно. Почти сразу, после прихода в школу.

– А почему ты молчал?

– Ты издеваешься? Как я признаюсь тебе или маме, что я трусил? Легче получать оскорбления каждый день, чем признаться, что я трус.

– А что изменилось теперь? Почему ты решил ответить? Да еще так.

Он немного подумал и посмотрел на своего сына пронзительным взглядом.

– Не пытайся меня убедить, что у него случайно сломалась ключица.

Дима не стал сдерживаться и ответил ему таким же взглядом.

– И не собираюсь. Я специально сломал ему ее.

– Ты не ответил на мой первый вопрос. Что изменилось? Куда делся страх? Я же вижу, что ты сейчас не боишься. Не боялся там в кабинете. Не боишься здесь, передо мной. У

тебя даже взгляд изменился. Очень странно. Еще вчера ты был ребенком, со своими страхами, а сейчас я вижу взгляд взрослого человека.

– Пап. Я по-прежнему твой сын. Я такой же, как и был вчера. Да есть изменения. Но позволь мне рассказать тебе о них попозже, хотя бы на следующей неделе. Хорошо? Я все тебе объясню. Обещаю. Пожалуйста. Просто поверь мне.

– Такая же история происходит и с Алексеем? – добавил он

– Не знаю. Он мне не рассказывает. Но думаю, что да.

Отец сел в кресло в зале и надолго задумался. Дима, не мешая ему, разместился на диване, тоже задумавшись. Сейчас вроде бы был подходящий момент для разговора, но Дима чувствовал, что отец пока не готов. Надо было дождаться следующего происшествия.

– И что ты теперь хочешь делать? – наконец продолжил разговор отец.

– Учиться, конечно. Я хочу получить достойное образование, а для этого мне надо учиться.

– Ты думаешь, нападки прекратятся? – спросил он сына.

– Пап. Ну, ты же взрослый человек. Ты сам был пацаном. Ты же знаешь ответ на этот вопрос. Конечно, нет. В школе может быть и прекратятся. На время. Но по пути из школы и в нее, это, скорее всего и случится.

– Я могу отвозить тебя в школу и забирать оттуда. Если хочешь.

Дима только засмеялся в ответ. – Ну, пап. Ты же понимаешь, что это невыход. Нас с братом еще больше возненавидят в школе. Мало того, что ученики будут презирать, так еще и учителя подключатся. Давай пока оставим все как есть. До первого случая. А потом будем принимать решение.

– Смотрю я на тебя и изумляюсь, сын. С каких это пор ты стал так глубокомысленно выражаться. До сих пор я не замечал у тебя этого. У тебя открылось вдруг умение изъясняться?

– Пап. Давай я тебе все расскажу позже. Давай, а?

Отец несколько минут посмотрел на него задумчиво, потом согласился.

– Хорошо. Давай позже.

Дима облегченно вздохнул и пошел переодеваться. Отец остался в кресле.

Дима снял школьный костюм и пошел обедать. Сейчас, при свете дня он с жадностью оглядел дом. Воспоминания нахлынули на него потоком. Здесь в доме, все было по-старому. Так, как он помнил. Старый диван, старые кресла. Вернее, все это было еще новое, так как их купили только в прошлом году.

Он ходил по дому и вспоминал, вспоминал. Вот в кухне он увидел старый холодильник. Он действительно был старый, его привезли со старого места жительства, а новый, с окошком для сока в дверце, купят позже. Он не помнил точно, когда, но это точно будет позже.

Он продолжал бродить по дому пока не услышал окрик отца.

– Ты чего шляешься? Что потерял?

– Да ничего, так просто. Ты есть будешь?

– Давай щец похлебаем.

– Сейчас погрею.

Дима открыл холодильник и немного офонарел от увиденного. Весь холодильник был заставлен кастрюлями, разных объемов. Чтобы понять, что в них, пришлось вытаскивать и открывать. Он подхватил десятилитровую кастрюлю и остановился. Она была слишком тяжелая для него. Это открытие поразило его. Он ведь так и не привык к тому, что его тело стало намного меньше и слабее и теперь те тяжести, которые он мог в прошлой жизни поднять одной рукой, были для него непреодолимы. Это расстроило его, но не сильно.

Напрягшись изо всех сил, он смог, наконец, вытащить одну кастрюлю и поднатужась, поставить ее на стол. К его радости в ней были щи.

Он огляделся в поисках микроволновки, но тут же одернул себя. Какая к черту микроволновка в восемьдесят пятом году. Её еще не изобрели, а если и придумали, то точно не ещё не пустили в массовое производство. Значит, надо было по старинки. Отлить в маленькую посуду немного щей и подогреть их на газовой плите. Что он и сделал.

Кастрюля стала чуть полегче и он, уже не так напрягаясь, отправил ее на место. Точно также он погрел жареную кар-

тошку, которую нашел в холодильнике.

Не прошло и десяти минут, как обед был готов. Разлив его по тарелкам Дима позвал отца, и они принялись за еду.

Во время обеда отец молчал. Диме тоже пока говорить было не о чем. Так и не произнеся ни слова, они закончили обед.

Насытившись, отец оделся и уехал на работу. Дима остался один в огромном доме. Он и не подозревал, что их дом, такой большой. Он даже удивился этому открытию, ведь последние годы, когда он приезжал к старым родителям в гости, он был не так уж и велик. Или может сам Дима был гораздо больше.

Помыв посуду, он сел за уроки. Если он собрался переходить на экстернатуру, он должен был научиться самостоятельно заниматься. Причем по всем предметам. Что он и начал делать.

Глава 7

Не заметно прошло несколько часов. Пришел старший брат. Дима услышал его, но не подал виду.

Зайдя в комнату, Алексей переоделся и, не говоря ни слова, пошел обедать. Дима не стал прислушиваться к нему, а продолжил изучать учебник. Предметов было не так уж и много. Их вполне можно было бы освоить за пару месяцев. Дима убедился в этом, просмотрев все свои учебники. Что же, он и займется этим в ближайшие дни.

Брат появился в комнате и потребовал освободить стол. Не став спорить Дима собрал свои учебники и убрал в шкаф.

– Что там у тебя сегодня произошло? – наконец спросил Алексей, – Вся школа на ушах стоит. Москаленко искалечил какого-то Картонкина. Что ты ему сломал?

– Ключицу, – как можно равнодушнее ответил Дима.

– И как же ты умудрился? – заинтересовался брат.

– А что тут сложного? Бьешь сверху вниз кулаком и все. Она ведь не предназначена для выдерживания нагрузки сверху.

– Ты это откуда знаешь?

– Читал.

– И где интересно это написано?

– Не помню. Главное, что сработало.

Брат с удивлением посмотрел на него.

– И что же ты у нас еще умеешь? – ехидно продолжил он.

– А ты, с какой целью интересуешься? – вопросом на вопрос ответил Дима.

– Тоже есть желание кому-нибудь ее сломать?

Брат смешался и опустил глаза.

– Да нет так просто. Ты вообще, как со мной разговариваешь? – вспомнив, что он старший продолжил Алексей.

– Как ты спрашиваешь, так и отвечаю. А что? Ты хочешь об этом поговорить? – ехидно закончил Дима.

– Да нет, – как-то стушевался брат и сделал вид, что погрузился в чтение учебника.

Делать было нечего, поэтому он решил включить телевизор. Пошел в зал и начал искать пульт. Несколько секунд напряженно искал, пока не опомнился, глядя на черно-белый, ламповый «Горизонт».

Какой пульт? У этого телевизора не было никаких пультов. Да и что переключать, если как он помнит, был всего один канал. Первый и единственный.

Он подошел к телевизору, сиротливо стоящий в углу на четырех тонких ножках. До появления первого цветного телевизора, если память ему не изменяла, оставалось еще почти шесть лет. На передней панели Горизонта, находился рычаг переключения каналов в виде колеса со стрелкой. Стрелка этой панели гордо застыла на цифре три и как будто приросла к этому месту. Современное телевидение вещало только один канал. Может быть где-то в Москве их было больше,

но здесь в Саратовской глуши работал только один.

Вспомнив все это, Дима передумал смотреть телевизор и решил пойти погулять на улице. Решено, сделано. Он начал искать свою зимнюю одежду. К его счастью, у него в то время не было большого гардероба, и поэтому найти искомое не составило труда.

Надел на себя старые штаны, и свитер, накинул старое пальто. Для двора и прогулок, тогда не покупалась специальная одежда. Использовали то, что приходило в небольшой упадок после школьной эксплуатации. Одевшись, таким образом, Дима пошел во двор.

После первого шага на крыльцо, он почти ослеп. Так нестерпимо сиял снег, отраженным светом зимнего солнца, которое после пурги появилось, наконец, на небосклоне. Оно уже собиралось покинуть землю, но его света было еще более чем достаточно, чтобы Дима, после полумрака дома, и абсолютно черного коридора, мгновенно закрыл глаза, чтобы дать им привыкнуть к сиянию света.

Наконец глаза привыкли, и он смог оглядеться. Весь двор был засыпан снегом. Его было очень много. Совсем не так как в будущем. Перед забором из штакетника, росли еще молодые березы. Они были еще чуть выше забора. Дима помнил их уже огромными, которыми они станут через тридцать лет.

Сойдя с крыльца, он пошел на задний двор. Мимо гаража и погребцы. За ними была старая баня. Вернее, она была

еще новой и такой маленькой. В этом он убедился, зайдя в нее. Маленький предбанник, где на узкой лавочке можно было, с трудом сесть двоим. Маленькая помывочная. Все дышало воспоминаниями о его прежней или теперь уже можно сказать, настоящей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.